

Маргарита
СМИРНОВСКАЯ

18+

(Не) НАСТОЯЩИЙ
БРАК

Маргарита Смирновская (Не) настоящий брак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67422218

SelfPub; 2023

Аннотация

– Ну что? Попалась? – он до боли схватил меня за руку и потащил за собой к выходу. – А теперь ты за все ответишь, блудная жёнушка. В моей голове сразу пронеслись мысли: «Этот красавчик знает Олю! Разве сестра замужем? Неужели я снова из-за нее влипла?!». В тексте есть: сестры-близняшки, богатый парень и простая девушка, обмен жизнями, любовь вопреки

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	55
Глава 4	86
Глава 5	103
Глава 6	121
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Маргарита Смирновская

(Не) настоящий брак

Глава 1

НАСТЯ.

Раз в месяц мне всегда снится сон из моего прошлого.

Канун выпускного. Мы с сестрой примеряем новые платья. Она, как всегда, выбрала себе ярко-красный, обтягивающий и длинный наряд. А я – бежевый, в стиле нежной классики. В тот день сестра предложила:

– Насть, а давай мы друзей разыграем? Заодно проверим, смогут они нас узнать? Если различат, то я обещаю, что поступлю с тобой в один институт.

Ольга любила авантюры. Мы часто менялись с ней ради шутки, но обычно это были невинные глупости. И очень редко нас путали, так как я не умела притворяться сестрой. Уж слишком я скромная. Но в этот раз Оля пообещала остаться и не уезжать в Америку на учёбу. А я так не хотела с ней расставаться!

Поэтому новая задумка Оли показалась мне отличной возможностью оставить сестру дома. И, конечно, я решила

в этот раз не оплошать и сыграть так, чтобы моя близняшка сама мне поверила, что я – это она!

В платье Ольги я чувствовала себя некомфортно. Сестра меня накрасила и завила волосы. И никто в этот день не понял, что мы поменялись ролями. Оля играла меня безупречно. А я тоже смогла обмануть почти всех, кроме двух людей: моей подруги Ани и друга Алика, с которым я ходила в художественную школу. Они разоблачили меня сразу. Точнее Аня по походке поняла, что это не моя сестра. А Алик не знал, что у меня есть сестра-близняшка.

Когда я поняла, что проиграла, то перестала изображать сестру. И всем уже призналась, что я – это я. Вот тогда к нам в зал вошёл он – Родион – моя мечта, парень, которого я любила с девятого класса. Но он встречался с кем угодно, но только не со мной. Мне казалось, что Родион специально избегает меня, что ему не нравятся мои очки. Когда я стала носить линзы, то и они не исправили мое положение.

А тут... произошло невероятное – он подсел ко мне и предложил потанцевать.

– Ты в курсе, кто я на самом деле? – уточнила я.

– Я тебя ни с кем не перепутаю... – и тогда случился мой первый поцелуй. Такой страстный и настоящий...

Как же я этого ждала! Я и мечтать не могла, что однажды Родион обратит на меня внимание!

Мы вместе пили, ели и веселились. Меня почему-то не смутило, что он несколько раз назвал меня Олей, и я его по-

стоянно поправляла:

– Настя. Тебя смущает моё платье?

– Да, с твоим платьем надо что-то делать... – страстно целовал мою шею Родион.

В ту ночь я сдалась под его напором и большой дозой алкоголя. А утром я снова почувствовала на своём плече его поцелуи и услышала:

– Олечка, вставай. Сейчас придет моя мама...

– Олечка?! – ошарашенно воскликнула я, поднявшись и натягивая на оголенную грудь одеяло.

И тогда Родион, видимо, понял, кто перед ним. Он тряхнул головой и уточнил:

– Так ты Настя?

– Ты не узнал меня! – я была сильно разочарована, чтобы подавить в своем голосе обвинение.

Но Родион словно принял какое-то решение и стал меня успокаивать:

– Да нет же, я просто хотел убедиться... Иди сюда...

А я почувствовала, что что-то не так. Но все равно очень хотела верить, что он ко мне тянется, что хочет меня. Всё тело болело после вчерашней ночи, но я даже вида не подала. А затем Родион велел мне быстро одеться и выпроводил меня за дверь. Я чувствовала себя такой несчастной и знала почему. Ведь я сомневалась и ощущала себя использованной. А потом он пришёл к нам домой, и мне пришлось выслушивать его нравоучения:

– Насть, ты нормальная девушка. Просто тебе не хватает... э... яркости и жизни, что ли? Посмотри на свою сестру. Возьми из её гардероба что-нибудь и пошли кататься.

И так я стала встречаться с человеком, о котором мечтала три года. Но только счастья мне это не принесло. Я носила Олины вещи, красилась, как она, стала пить с ним пиво, которое ненавидела. А Оля учила меня, как вести себя с парнями:

– Учись их посылать. Это ты должна крутить ими, а не наоборот.

Но я не знала, как это делать. Я всегда была послушной девочкой. Родион же всюду меня показывал, и все вокруг считали меня Олей. А он их даже не переубеждал. Пока однажды я не увидела их... Сестру и Родиона. Они ругались. Точнее Оля ему угрожала, а Родион её умолял простить.

– Я думал, что это ты... Я хочу только тебя, Оля!

Моя сестра вlepила ему пощёчину и крикнула:

– Болван! Она любит тебя!

– А как же ты?!

– А я нет! – безжалостно ответила Ольга. – Не будь дураком, ты меня даже не различил! Какая это любовь? Ты просто хочешь тело! Тело у тебя есть! Что тебе ещё надо?

– Тебя... Оля... Она даже в шмотках не такая!

Тут моя сестра взяла его за грудки и потянула к себе и, как пацан, грубо сказала:

– Только попробуй её бросить или Олей назвать. Я тебе

яйца отрежу. По большой любви понял? – Родион икнул и послушно кивнул. – Теперь дуй к Насте. Не дай бог она о твоей страсти догадается...

Я забила в щель между гаражами и, дрожа, молча сглаживала рыдания. Поникший Родион прошёл мимо меня, не заметив... А Ольга села на мотоцикл к какому-то байкеру и уехала. В этот день я не пришла на встречу, а моя сестра как ни в чем не бывало пришла в одиннадцать и села за учёбу, словно не гуляла с байкерами. Я тогда не разговаривала с ней. Она же мне бросила новое нижнее бельё и сказала:

– Это тебе для свиданий с Радиком.

Олю никогда не волновало моё состояние. Она даже не заметила моих заплаканных глаз, и что её подарок меня оскорбил. Ведь меня нельзя вот так приставлять. Даже к тому, в кого я была влюблена... Я же мечтала о взаимности...

Я так и не смогла спросить Олю, знала ли она раньше, что Родион в неё влюблен. Да это уже было неважно. Я хотела порвать с ним отношения, но утром Оля рассказала родителям, что я встречаюсь с Родионом. Папа хорошо знал его семью и очень обрадовался, поэтому я так и не смогла сказать ему, что все кончено. Тем более в то время папа сильно болел. Он очень любил нас, и я боялась его совсем в койку загнать, ведь у него большое сердце.

Родион пришел ко мне, как обычно к вечеру. Но в этот раз он попросил меня научиться ездить на мотоцикле. Мне хотелось ему многое высказать, но вышел мой папа и поддер-

жал его. Мол, дело молодое, только будь осторожнее и маме не говори.

Хотя я страшно боялась, но все-таки села на байк. А потом... У меня закружилась голова...

Моё состояние все мои родные и близкие друзья списали на нервное напряжение, ведь я так не хотела отпускать сестру за границу. Несмотря на все обстоятельства, я очень сильно её любила.

А я сама думала, что моё частое головокружение – это последствие бессонных ночей и стресса. Ведь я не находила выхода из сложившейся ситуации. Я хотела прекратить общение с Родионом, но всякий раз, когда хотела ему об этом сказать, глядя в его глаза, мне не хватало смелости. Почему-то я не могла этого сделать и стала зависимой от его близости. Хотя не простила Родиона и знала, что он грезит о моей сестре.

А когда я услышала телефонный разговор Оли, то сразу поняла, с кем она общается:

– Ты зачем мне позвонил, дебил? Номера перепутал, как в прошлый раз нас с сестрой? Слушай, извращенец, если ты ещё раз мне позвонишь, то без ушей останешься! Ты меня понял, урод? – видимо, Родион что-то ей стал говорить, и я видела, как сестра вскипела и прервала его речь: – Послушай меня, инфузория, я уеду по-любому, и тебя это никак не касается. У тебя есть моя сестра. Ну, ты тупой! – Ольга еле сдерживала себя. – Послушай меня, – это уже прозвуча-

ло угрожающе. – Если ты сейчас же не извинишься передо мной и не пообещаешь больше не преследовать, то я сегодня же ей все расскажу. Только ради её мечты я позволяю тебе с ней встречаться. Подумай, идиот, или потеряешь все. Вот и хорошо.

Ольга отключилась, а я спряталась в ванной и долго ревели. Вот там меня впервые стошнило.

Больше Родиона я видеть не могла и стала избегать свою сестру. Я никак не могла понять, почему она решила, что моё счастье должно быть таким? Что моя мечта – просто видеть его рядом? Нет, я хотела взаимной любви.

Однажды утром я не смогла встать, целый день ничего не ела и не пила. Меня тошнило от всего. И я не хотела, чтоб меня трогали или задавали вопросы.

Оля, как всегда, была занята учёбой. Она училась все свободное время, мечтая поступить в самый лучший вуз США. Для меня её отсутствие стало спасением. Я не могла с ней делиться о своих душевных переживаниях, потому что чувствовала себя преданной.

А по утрам мне становилось плохо и постоянно мутило. И как-то не я смогла даже взять ложку, чтобы поесть. Тогда до меня дошло: головокружение, тошнота, слабость. И с ужасом подумала: «Господи, неужели я беременна? Только не это!».

Еле поднявшись с постели и взяв свои карманные деньги, я едва доплелась до аптеки. Пока я не сделала тест, то думала, что с ума сойду! Меня знобило, и даже напала икота.

Я вспомнила все молитвы, которые читала моя бабушка, и просила только об одном: пусть это будет простудой! Отравление, да что угодно! Только не беременность! Но тест упрямо показал мне две полоски...

Чего я только не надумала себе, пока сидела в ванной и лила слезы на этот злосчастный тест! Думала о самоубийстве, о тайном аборте, пойти в баню попариться, отравиться, чтобы вызвать выкидыш, найти знахарку.

В итоге я наревелась, настрадалась и как-то утром отправилась к Родиону. Пусть он тоже подумает, что с этим делать.

Такой красивый и холодный. Совсем чужой. Родион явно не был рад моему приходу, не пропустил в комнату, но все равно улыбнулся из вежливости и прошептал:

– Настя, я очень рад видеть тебя, но зачем с утра-то? Почему не позвонила?

Раз пять он обернулся назад. Интересно, кто дома у него? Девушка? Но я даже не почувствовала ревности, стало настолько безразлично. Мне все равно, если кто-то что-то о нем не так подумает.

– Я беременна, – отчётливо сказала я.

– Да потише ты! – шикнул он и тут до него дошёл смысл слов. – Что? Что ты сказала?

– У меня в животе растёт твой ребёнок. Что тут тебе непонятно? – чуть ли не рыдая, прокричала я. – Надо что-то с этим делать! Или будет поздно!

– А что тут делать, детка? – в коридоре появилась тучная,

кудрявая женщина. – Ты женишься на ней, сынок. И никаких возражений.

Боже! Как я не хотела этого! Разумеется, я пыталась сказать о том, что нам еще рано иметь детей, что нет любви и всё, что произошло, большая ошибка.

Но эта женщина никого не собиралась слушать:

– Сынок, это дар от бога. Будет большой грех, если ты сейчас откажешься от милой наследницы Лазуренко и от своего собственного сына.

Откуда она взяла, что у меня будет сын? Я всегда хотела дочку! Но не так сразу!

Родион тоже не горел желанием заводить детей, когда у нас на носу поступление в институт и студенческая жизнь впереди. Но его мама даже не дала ему и слова вставить.

– Ты женишься! Чем скорее, тем лучше! Ты посмотри на нее! Скоро живот на нос полезет.

Я была в шоке. Какой живот? Ребенок пока меньше, чем горошина.

А дальше его мама позвонила моим родителям и сообщила с бухты-барухты им важную новость. Я готова была умереть от стыда и горя. Не таким я себе представляла разговор. Ведь я надеялась, что Родион найдет врача и поможет мне решить проблему, а не создать мне новую.

Но как мы только остались одни, то он сразу напал на меня:

– Не могла без меня разобраться со своей беременностью?

Ну, кто тебя просил ко мне приходиться?! – ударил кулаком в дверь кладовки Родион. – Замуж захотела?

– Нет! И я не пойду за тебя! – оттолкнула я его, вылетела в подъезд и вдогонку услышала:

– А куда ты денешься? Разве есть другие варианты?

И в его голосе прозвучала горечь. Родион тоже не хотел жениться. Но все так закрутилось, завертелось, что я не успевала переваривать все события.

Узнав, что я беременна, мама заплакала, а папа ее успокаивал:

– Мирские – отличная семья. И Радик влюблен в нашу Настеньку. Ничего, сейчас такое время. Посидим мы с малышом по очереди. Они отучатся, встанут на ноги, и все у них будет. А мы поможем. Мы на что? Разве на этом жизнь кончается?

– Настя такая маленькая... Она ещё ребенок. Это не Оля... – хлюпала носом мама.

Да... Всего лишь младше на десять минут и всегда ребенок и малышка. Только Оля взрослая и умная.

И странно то, что меня никто не спросил: а хочу ли я рожать? А хочу ли я замуж?

Никто не спросил, а я не говорила. Мама часто плакала и причитала. Больной папа радовался, словно чувствовал, что это его единственный шанс побывать на свадьбе одной из дочерей. А Оля сказала:

– Вот балда! Ты о предохранении разве ничего не слыша-

ла? Ну, ладно, хоть на свадьбе погуляю перед отъездом.

Ольга стала помогать родителям с подготовкой к празднику. А я жила, как во сне, и ничего из этих дней вспомнить не могла. Только один момент, как пришли Юля с Аней и помогли мне купить платье длинное в пол и фату, которая шлейфом шуршала за спиной. Это все Юля. А я совсем не хотела такое платье, и фата мне была не нужна. Но сказать вслух я боялась. Еще боялась, что меня прорвет, и я сорву свадьбу, расстрою папу, и ему станет хуже, мама попадет в психушку, а Оля не сможет уехать учиться туда, куда мечтает попасть.

Поэтому я молча позволяла случаться всему. Даже брачный контракт, который я подписала, не читая.

Как обрадовалась его мама! Она гладила меня по голове, а я чувствовала себя соседской собакой, с которой надо подружиться, чтобы спокойно проходить мимо.

Один мой друг Алик разделял мои чувства:

– Божечки мои! Настя! – протяжно недоумевал он. – Как ты могла?! Связаться с Мирским! Да ты знаешь, какой он противный мужлан?!

Хотя я давно привыкла к манерности своего друга, но из его уст «мужлан» прозвучало крайне смешно, поэтому впервые за долгое время рассмеялась.

– Чего ты смеёшься? Потом ведь плакать будешь! А Алика рядом не окажется. Я близко к его квартире не подойду, – поморщился мой товарищ. – Это конец. Настя, отмени сва-

дью.

– Это невозможно.

– Настя, ну, хочешь, я тебя на коленях попрошу! Кто угодно, только не Мирский! Боженьки! Ну, почему именно ты?

Хотела ему сказать, потому что я похожа на Ольгу, но не стала. Алик не знал, что я одна из двойни, и меня воспринимал, как отдельную личность. А мне это нравилось.

Тогда весь вечер он ныл, чтобы я порвала с Родионом. Потом пообещал на мне жениться и удочерить мою двойню. С чего он взял, что я ношу двойню? Капец, какое у людей воображение!

Затем Алик устроил истерику, что я жизнь себе порчу и куда смотрит мой отец. Моего папу он знал, так как тот часто приходил на наши выставки картин. И Алик уже намыливался потолковать с моим родителем.

Я еле его остановила. В итоге он на меня обиделся, сказал, что я ему разбила сердце, и теперь мы не можем дружить. Ох уж эти художники!

На мою свадьбу Алик не пришел. Позже я узнала, что у него была депрессия, и он не вставал с кровати.

А я все же вышла замуж за парня, которого два года любила, но чувствовала себя очень несчастной. Хотя в день свадьбы улыбалась и держалась ради улыбки отца. Ведь он сиял от счастья:

– Настенька, я все сделаю, чтобы ты была счастлива! Запомни, сначала ты, а потом весь свет! Твое счастье дороже

всего!

Почему мне эти слова говорил папа, а не Радик?

Несмотря на нежелание жениться, Родион смирился и гулял на свадьбе на всю катушку. После того, как я подписала брачный договор, он ни разу ни в чем меня не обвинял. Разговаривал со мной, как с другом. Но ни разу до свадьбы не поцеловал, словно я стала для него просто товарищем.

Мою отстраненность все воспринимали за стеснительность. Никто не увидел, что я глубоко несчастна. И если честно, то я хотела сбежать к Алику.

Со дня свадьбы я переехала жить к родителям Родиона. Там мы должны были переждать отъезд Оли. А потом мы вернулись бы в мой родительский дом. Но этого не случилось.

После свадьбы я чувствовала себя ещё хуже. Родион часто уходил и не отчитывался куда. Он меня не замечал и вообще в мою сторону не смотрел. С кем-то разговаривал по телефону, а я молча страдала.

Однажды у меня скрутило живот. Тогда я сильно испугалась, что схватки уже начались.

Мне вызвали скорую и отправили в больницу. Крови не было, но живот дико тянуло. Сделали срочное УЗИ, и тогда сказал врач фразу, которую я никогда не забуду:

– Девушка, а вы не беременны. У вас киста.

Глава 2

На этих словах я всегда просыпалась в холодном поту. Это самый ужасный момент из моей жизни. Именно с него все пошло под откос.

Меня срочно госпитализировали и сделали операцию. Родители переживали так, будто они лишились внука. А я вздохнула с огромным облегчением, но дико жалела, что мне в голову не пришло раньше сходить на УЗИ. Тогда никакой свадьбы не было бы. Также подумал и Родион:

– Ты специально все это придумала? – спросил он, когда пришел навестить. – Ты решила меня привязать меня? Не выйдет! У нас ненастоящий брак.

Потом Радик ушел, не дождавшись моего ответа. С того дня я его больше не видела.

Из больницы я вернулась к себе домой. Папа сильно переживал и сетовал. Он не ожидал такого поведения от Родиона. Мирские сами его потеряли. А через месяц из Европы им позвонила младшая дочь, которая даже на свадьбу к нам не приезжала, и сообщила, что Радик с ней остаётся учиться. Впрочем, я догадалась, за кем он поехал.

Эти события сильно подорвали здоровье папы. И напрасно я убеждала его, что рада, что не беременна, что лучше операция, чем нежеланный ребенок. Потому что я хотела учиться и была счастлива остаться в семье. Но папа поче-

му-то винил себя во всем и с чувством вины умер.

Мы с мамой еле пережили такую большую утрату для нас. Оля так и не прилетела на похороны. Потом я пошла учиться в колледж вместо института. Так как из-за свадьбы не успела хорошо подготовиться к вступительным экзаменам. Училась я на дизайнера вместе с подругой Юлей. Она тоже по баллам в институт не прошла.

Изредка на домашний телефон нам звонила Оля. Но я с ней не разговаривала, потому что я могла ей простить собственные обиды, но не отсутствие на похоронах папы. Она даже с ним не попрощалась.

Дома практически не было проблем, кроме сильной загруженности матери. Она вся ушла в бизнес отца, и ее целью было не потерять всё. Поначалу все шло хорошо, пока нам не позвонили из Америки и не сообщили, что моя сестра погибла.

Вот это мама не смогла перенести. Сначала она замкнулась в себе и делала вид, что ничего не происходит. А когда к нам дошла урна с прахом Ольги, то она стала бредить, психовать и кричать, что мы её не понимаем. Мы – это я и Алик, который к тому времени уже простил меня, узнав, что я с Мирским давно не живу.

Вскоре к нам приехала папина сестра, тетя Веля со своим деверем, который был старше меня всего на два года. Приезд родственников маму привел в чувство. Она отвлеклась и даже стала улыбаться. Вот тогда я заметила, что мама как-то

странно поглядывает на Олежика, деверя тети Вели. А сама тетя Валя способствует их сближению. Тогда я поняла, что маме уже плевать на папин бизнес, (туда влезла тетя Веля), что она забыла папу ради парня, годившегося ей в сыновья!

Мне стало дико, особенно из-за того, что он тайком заигрывал со мной! И я раз сто ударила его по рукам, чтобы он отвык меня лапать.

Но маме я ничего не говорила, потому что не знала, что лучше: ее депрессия или это увлечение, благодаря которому она вышла из состояния бесконечных истерик и полного бреда.

Чтобы не спровоцировать скандал, я уехала в папину однушку, которую он завещал Оле. Только там, оставшись наедине, до меня дошло, что моей сестры больше нет, и я ее больше никогда не увижу. Но как ни странно, я не могла поверить ее смерть. И внутри теплилась убеждение, что это все ошибка. Оля жива... Она не могла умереть. Кто угодно, только не моя сестра. Она же не такая, как я...

Это чувство я несла в себе все годы. Отучилась в колледже и ради прикола вместе с Аликом поступила на курсы маникюра. Алик имел юридическое образование, но ни дня не проработал юристом. Он ещё во время учебы подрабатывал парикмахером, затем прошел курсы стилиста и наконец получил корочку мастера маникюра. Алик считал, что должен все уметь, чтобы преуспеть в сфере красоты. И у него все превосходно получалось. Свои волосы и лицо я доверяла

только Алику.

Вместе с ним мы работали в вип-салоне у Регины Шульской. Она была стервозной женщиной, которая заставляла нас пахать в свою смену, как проклятые, но платила хорошо. Ради пополнения клиентской базы и связей мы решили с Аликом потерпеть. Поэтому выполняли не только свои обязанности, но еще мыли полы, туалеты, выслушивали ее ор и мат. Даже иногда выходили не в свои смены. Но в скором времени Алик сдался и ушел с работы. А я продолжала вкалывать и молчать. Уже привыкла ко всему, но к появлению ее любовника армянина Богдана я была не готова. Этот горячий мужчина мне проходу не давал. Приходилось прятаться и убегать с работы, ведь он караулил меня после окончания смены. А однажды чуть не затащил в свою машину.

После таких событий я решила последовать примеру Алика и уволиться. В тот момент, когда я хотела сообщить об этом Регине, в мою дверь позвонили.

На пороге стоял Алик с чемоданами. У меня глаза сразу сделались, как плоски:

– А... а... Ты ко мне?.

Алик же знает, что у меня однокомнатная квартира!

– Ну а кому же, звезда моя?! – он затащил в коридор свои пожитки и спокойно разулся. – Мой педантичный и престарелый отец выгнал меня из дома. Сказал, что с сыном с бабской рожей ещё мог смириться. Но тунеядца он не потерпит! А я что могу?! Он что, думает, что я прямо сразу пару сотен

тысяч буду зарабатывать? Для начала мне надо место найти. И кто ему сказал, что я хочу быть юристом? У меня красивое личико, как у Дани Милохина! В такой токсичной карьере?! Дуд-ки! Я – стилист! А не какой-нибудь «белый воротничок» с хваткой бульдога. Ну, посмотри на меня?! Разве я похож на вруна и лицемера?

– Мне кажется, он до конца твоих дней не успокоится, – ответила я, думая, как же его отправить обратно домой.

– Вот-вот! Не нужен ему сын – значит и он мне не нужен! Я что, не профессионал?! Да я мастер своего дела! Мы ещё с тобой, знаешь, как заживём?! – Алик крепко меня обнял, а я испугалась его фразы: «Мы и заживём».

Я не хочу ни с кем жить, тем более в однушке!

– Постой, – посмотрела на него я. Действительно, белые волосы, огромные голубые глаза и мимишное лицо. Да он лучше, чем Даня Милохин! – У меня негде жить.

Фух! Сказала.

– Родная моя, ну, не полезу я к тебе сегодня в постель.

Кто бы сомневался! У меня тесно, блин! Всего одна комната! Как он представляет себе наше совместное проживание?!

– Моей зоной обитания будет кухня. У тебя она шикарная и с большим диваном! Я тебе не помешаю, вот увидишь.

Ты уже мне мешаешь.

– Алик, я тебя очень люблю... – начала я заученную на сериалах фразу, как надо отшивать парней.

Но, видимо, на таких, как Алик, она не действует.

– Я тебя тоже люблю...

Господи, как он улыбался и смотрел на меня! Вот, честное слово, я чуть с ним не поцеловалась. Всего на мгновение мне показалось, что между нами пронеслась искра. Как вдруг Алик завопил:

– Боже мой! Настя, какое несчастье! У тебя вскочил прыщ!

Господи, я чуть было его не поцеловала! А он видит только дефекты моей кожи! Срам какой!

– Душа моя, что ты так смущаешься? Ты же с Аликом! Алик тебя всегда спасет. Где тут моя косметичка?

«Да... А я еще подумала, что мы хотели поцеловаться. Чур меня, чур!» – отмахнула от себя я глупые мысли.

В этот вечер я ела самую полезную еду. В результате мое лицо приобрело здоровый вид, волосы получили натуральную маску, а руки – массаж. В общем, выгнать Алика у меня не получилось. И когда я хотела рассказать ему о своем желании уйти от Регины, Алик вдруг спохватился:

– Настя! Я же забыл тебе о главном рассказать!

– Ты нашел свою любовь, – замечталась я.

Вообще, как я поняла, у Алика это запретная тема. Иногда мне казалось, что он безответно в кого-то влюблен. Ведь не все могут принять его чувства. Таким, как он, в нашей стране очень трудно. Но иногда мне кажется, что Алик еще не решил кто он. Потому что мой друг дико не любил, когда

его сравнивали с людьми из меньшинств.

– Конечно же, нашел! И я к ней пришел!

Тут я уже засмушалась. Что? А как же косметичка?

– Я... Я... не готова... – заикаясь, стала лепетать я.

Алик скривил свое красивое лицо:

– Я про свое дело говорю! Ты же в курсе, что тебе придется меня месяц или два кормить?

Я молча показала на себя, мол, мне?

– Да, милая, тебе. Ты же не бросишь своего любимого Алика помирать голодной смертью дворовой собаки?

– Постой...

– Не перебивай меня! Я тебе еще не все рассказал. Ты кушай, моя красавица. От этого прыщи не появляются. Все гипоаллергенное. А вот конфетами лучше тебе Региночку кормить. Пусть душка травится. Она и так уродливая, а будет еще с пятнистой кожей на лице. И вспомнит стерва тогда Алика! А Алик не придет! Алик не спасет ее!

– Какие у тебя новости? – спросила я, молясь всем святым, чтобы это было что-то вроде «купил моему Басе суперский корм».

– Ой! Тебе это точно понравится! Я заказал в салон такую раковину! А мебель? Иди скорее сюда. Смотри, – позвал он меня к своему телефону. – Я все денежки свои накопленные перевел туда.

В телефоне я увидела его заказ и обомлела. Я не думала, что мой друг скопил такие деньжища!

– Разве ты нашел себе место?

– Ой, не бей по больному. Какое тут место, это фу-фу!

Разве можно въезжать с такой прекрасной мебелью и оборудованием в тараканий домик?! Ну, кто ко мне туда придет? Мне нужно место в центре города, в элитном районе.

– Там аренда, ты знаешь, какая...

– А я буду услугами отдавать. Всем нужны услуги такого замечательного мастера, как я.

Эх, мне бы его уверенность! В итоге в этот вечер я поняла, что мне нельзя увольняться, так как на моих плечах еще и Алик вместо с моим котом Басей, который тут же променял меня на моего друга, как только получил порцию отварного мяса.

Утром я проснулась от диких воплей моего товарища:

– Мама! Я хочу жить так, как мне хочется, а не вам! Я – взрослый мужчина! Хочу – делаю маникюр, хочу – крашу лицо, хочу – делаю прическу! Это моя жизнь, а не ваша!

От его истерики я заткнула уши и решила переждать, пока он успокоится. Но тут позвонил мой мобильник, и я увидела номер свекрови.

Как ужасно. Мужа почти пять лет не видела, а свекровь осталась. И я не знала, как мне отделаться от нее.

– Настя, где ты? Уже сколько времени? Почему ты еще не в аптеке? Ты знаешь, что сегодня приезжают к нам гости, а в доме срач! Немедленно ко мне!

И так всегда... Все пять лет.

– Бедный, бедный, бедный мой котик. Вынужден был слушать, как огорчался Алик.

Как не хотелось вставать! Но телефон снова дзынькнул. Наверняка свекровь прислала название лекарств. Хотя бы раз деньги выслала! А присылает только списки продуктов и лекарств. Я поднялась и прочитала сообщение: «Настя, надо срочно увидеться. Жду тебя у памятника Пушкину в девять вечера». Номер неизвестный.

Не понимаю... Кто это может быть?

Тут я услышала истошный визг.

– Ба-ся! Какая ты ужасная рыжая тварюга! – отвлек меня от мыслей вопль друга. – Посмотри, что ты наделал? Наглая дворняжка! Как я теперь таким шерстистым на улицу выйду?! Horror in! Это просто Horror in!

– Алик... – прибежала я на кухню в одной коротенькой ночнушке.

Парень стоял и щеткой счищал с черных джинс шесть моего кота.

– Вредная скотина. От него одни убытки и плохое настроение. Как ты его терпишь? Знаешь, как он ночью храпит? Это же оглохнуть можно! – запричитал мой друг. – Настенька, я же всю ночь ни одним глазком своим не сомкнул... – тут он взглянул на меня и замер.

Я сначала не поняла в чем дело, лишь потом до меня дошло, что ночнушка перевернулась, и одна грудь у меня ого-

лилась. Быстро поправив, я попыталась отвлечься от возникшей неловкости:

– А я привыкла к нему. Ты ему ушко почесал бы, и он перестал бы хрюкать.

Почему Алик все еще на меня смотрит? И все же отвел взгляд.

– Этот поросенок так нажрался, что, боюсь, это его желудок так рычал от несварения! Боженьки мои, я за эту ночь на всю жизнь наелся кошачьей шерсти!

– Басик всегда весной линяет. Сегодня заберу его спать к себе, – я вернулась в комнату и услышала негодование Алика:

– Чтобы и ты его шерсти наглоталась? Нет, с этим паршивцем надо что-то делать...

Интересно, что? Ничего я с ним не буду делать. Этот котик со мной уже полтора года. И я ни за что никому его не отдам. Он же не виноват, что родился таким пушистым?

Эсэмэс от свекрови заставило меня вспомнить, что я давно должна быть в аптеке.

Любой нормальной девушке надо к выходу из дома готовиться не менее часа. Но именно Ванесса Вениаминовна научила меня делать все утренние процедуры за двадцать минут. Даже Алику нравилось, как я быстро и умело приводила себя в порядок.

В этот раз свекровь превысила все возможные границы с заказом. Кто уж ей выписывал эти дорогушие бады, я не

знаю, но у меня не было на них таких денег. Поэтому я купила лишь половину из списка и шла к ней с настроением приговоренной к казни императрицы, которую вели на эшафот.

– Девочка моя, – начала она, когда посмотрела в пакет. – Ты такая невнимательная, или ты ждешь моей смерти?

– Я купила то, на что у меня хватило денег, – неуверенно пролепетала я и сразу пожалела об этом.

– Деньги! Ах, значит, деньги! Вот что тебе нужно от бедной и несчастной пенсионерки!

– Мне от вас ничего...

– Молчать! Молчать, когда мать разговаривает! Ты, видимо, забыла, кто я тебе такая?

Куда уж там! Заставляет к себе почти каждый день бегать.

– А замотничала для матери какие-то вшивые две тысячи!

– Семь, – поправила ее я.

– Да еще и приукрашиваешь! С нас хочешь поиметь?!

В другой момент я пошла бы и с помощью кредитки купила ей лекарства, но не сейчас. Сама бы я смогла посидеть на кашке с огурцами, но Алика-то надо кормить!

– У меня, правда, нет денег, – начала оправдываться я.

Тут свекровь сощурилась и залебезила:

– Да что ты говоришь? А твои процентики от предприятия папочки? Хочешь сказать, ты ничего в этом месяце не нажила?! Все себе хочешь прикарманить!

– Предприятие еле на плаву держится. Там нет никаких

процентов, – возразила я.

Ну, каждые полгода она меня достает этими процентами. И ей бесполезно доказывать, что тетя и так еле выводит дело отца, чтобы фирма не закрылась. Там заказов практически нет. Сотрудников сократили до минимума. Я даже не знаю, кто теперь там работает. И, конечно, мой счет перестал давно пополняться. Но я в него никогда не влазила. Ведь я обещала папе, что воспользуюсь счетом только для великих дел.

Поэтому свекрови я приносила лично заработанные деньги, чтобы она перестала спрашивать меня про эти злосчастные проценты.

– Мне-то уж не лги! Видела я, на чем твоя Велечка ездит! Такую тачку честным путем не заработаешь!

– Я принесу вам деньги после двадцатого числа и тогда ваши бады куплю, – быстро пообещала я.

– Я помру уже после двадцатого! Немедленно звони своей тетке и скажи ей, что если не даст мне денег, то я ей такие проверки устрою – в жизни не отмоется!

От ее визга я уже уперлась спиной во входную дверь и пролепетала:

– А убираться вам уже не надо?

– Конечно, надо! Только толку от тебя? Я службу заказала. С тебя двадцать тысяч за уборку. Так своей тетке и передай. Иди уже!

Я выскочила в подъезд и спряталась за лифтом. Меня колошматило, и я ненавидела себя, за то, что ни чем не сме-

ла отказать свекрови. А она уже стала наглеть почти каждый день. Где я ей столько денег возьму? Моей зарплаты теперь в этом месяце не хватит...

И тут прозвенело сообщение, пришедшее на мой телефон. Опять неизвестный номер: «Ты не ответила. Ты не придешь?».

Я даже вздрогнула, ведь понятия не имела, кто это мог быть. А вдруг это Богдан? Или еще какой-нибудь мой клиент? Хотя почему у памятника и при чем тут «нашего»? «Наш» – такое слово может использовать только тот, кто хорошо знает меня. Подстава однокурсников или кого-то из однокашников?

Давным-давно у нас было общее место. У нас – это с сестрой и папой. Тогда мы после школы всегда гуляли на площадке у памятника. Папа угощал нас сахарной ватой. Оля носилась на самокате, а мы с папой кормили голубей.

Тогда тоже была весна, и мы с Олей были первоклашками. Когда повзрослели, то обычно я ей туда приносила вещи на тренировку. А с папой мы гуляли там изредка. Но кто из посторонних об этом мог знать? Совпадение?

Такое тоже может быть. Памятник в нашем районе всего один. Скорее всего, это розыгрыш. Выкинув такие мысли из головы, я помчалась к тете. По дороге я уже решила, что именно скажу. Попрошу у нее для свекрови небольшую ежемесячную компенсацию. Ведь одна я ее не потяну. А где Родион, который должен заботиться о своей матери, я понятия

не имела. И почему она обвиняла меня в его исчезновении – тоже, но всегда чувствовала себя виноватой. Может, из-за ошибочной беременности?

Может, это потому что свекровь обвиняла меня в бесплодии и плакала, что у нее внуков не будет, что ее сын уже давно погиб на чужбине, не выдержав этого горя.

Хотя я сильно сомневаюсь, что Родион погиб. Даже если он и умер от горя, то не из-за неродившегося ребенка, а потому что погибла Оля. Скорее всего, что мой муж жив и здоров. Просто ему плевать на всех. И я даже убеждена, что свекровь знает от дочери, что с ее сыном все в порядке. Просто ей нужна для ухода, ведь она осталась одна. Не выдержав ее характер, муж давно развелся с Ванессой Вениаминовной, хотя и жил в соседней комнате.

Подойдя к бывшему офису своего отца, мое сердце замерло. Казалось, я войду и там увижу своего усатого папочку. Он улыбнется, прищурив глаза, и позовет меня обниматься.

Но в здании папы все оказалось по-другому. Его офисы снимали неизвестные компании. А в главном осталось всего три кабинета: директора, секретаря-бухгалтера и юриста. Именно юрист Вольдемар Васильевич увидел меня первым. Такой жутко некрасивый, высокий, как будто скрюченный, скользкий тип с лысиной на голове, несмотря на свой еще относительно молодой возраст.

– Настя... – прозвучало так, что меня холодом обдало.

– З... здравствуйте, – произнесла я, оглядываясь.

Почему-то всегда я его боялась после смерти папочки, хотя он тогда еще лысым не был.

– А я как раз вспоминал о тебе, – сказал он и понюхал мою макушку, от чего я попятилась назад.

– А... А тетушка на работе? – спросила я, уходя от него чуть ли не в кабинет секретарши.

– К счастью, ее сейчас нет. Она здесь редко бывает, как и твоя маменька.

Я уперлась в дверь, а он так близко подошел, что от страха чуть сознания не потеряла. Его черные глаза смотрели на меня с маньячной страстью. Он стоял, словно обнюхивал меня. Я слышала его дыхание, и у меня замирало сердце от ужаса. Наконец моя психика не выдержала, и я, оттолкнув его, прорвалась в коридор со словами:

– Тогда я ей позвоню!

Всегда думала, что я – легкая и быстрая, но не тут то было! Он за секунду догнал меня и, схватив за плечи, развернул к себе.

– Я тебя ждал, – сказал юрист, чуть ли облизываясь. – Настя...

Боже мой, он случайно не людоед?

– Э... Зачем? – голос у меня слишком явно дрогнул, что он улыбнулся, обнажив кривые зубы.

– Зайдем ко мне. Я тебе, Настя, все расскажу...

Господи, как же это страшно! Я обернулась. Хотя ближайшие кабинеты пустовали, но в коридоре фирм пять работа-

ли. Подумав, я решила, что вряд ли он убьет меня или станет приставать на людях. Да и другого выхода я не видела. И потом этот человек когда-то работал на моего папу. Если папа его взял...

К моему облегчению, Вольдемар Васильевич сел на свое рабочее место. Я практически упала в кресло напротив него и ждала, пока он достанет папки, что-то посмотрит и заговорит.

– Вот, Настя, – выделил он мое имя. – Полюбуйся.

Я взяла из его рук цветастый лист, где было жирным шрифтом написано: «Доверенность». Из чего я узнала, что управление фирмы перешло полностью в руки тети Виолетты.

– Зачем мама это сделала?

Я помнила, что мама раньше беспокоилась о судьбе папиной громадной адвокатской фирмы. Раньше здесь работали лучшие юристы, адвокаты и даже нотариусы. У папы на все услуги были открыты лицензии. Как раз партнером отца был отец Алика. Но, видимо, как приехала тетя Веля, тот ушел в свой частный бизнес.

– Не знаю, – улыбаясь, муркнул Вольдемар. – Но я знаю, что с вашей фирмой будет.

Вот это меня испугало чуть ли не до слез. Папина контора и так была под угрозой разорения. Вместо того, чтобы ее развивать, тетя Веля разогнала талантливых специалистов и стала сдавать офисы под аренду.

– Твоя тетя продает фирму, пока она имеет репутацию. И я ее куплю.

– Что?!

– Да, – господи, как он похож на мерзкого таракана! – Мне она вполне по зубам.

– Она не продаст папину фирму! – ударила я кулаком по столу. – Я против!

– Доверенность не на тебя оформлена, а на Виолетту. Настя...

Еще раз он произнесет мое имя таким тоном, я его ударю папкой с этой злосчастной доверенностью.

– Стоп. Я сейчас же еду домой! – вскочила я, забыв про свою работу.

Ну, какая тут Регина, когда папину фирму продают! Да еще кому? Вольдемару!

– Постой, – остановил он меня. – Ты уже опоздала. Ваша фирма на следующей неделе идет на аукцион. Все подписано и оформлено.

Я стояла и смотрела сквозь него, не понимая, как вообще все это произошло? Когда они все решили? Почему мама мне ничего не рассказала? Что теперь делать?

– Но я могу все изменить, – вдруг оживился мужчина.

– Как?

– Я – лучший юрист нашего города, – похвалился он. – Могу отстаивать твои права. Но с одним условием...

Что?! Очень нехорошее предчувствие начало во мне рас-

ти с новой силой.

– Если ты станешь моей женщиной по контракту, – про-
должил с мерзкой улыбкой Вольдемар.

Что?! Я поверить не могу!

– Я замужем...

– Настя... – с придыханием сказал он, словно улавливал в
воздухе мой запах. – Все мы знаем, где Мирский, а где ты...

Вот интересно! Все знают, где мой муж, кроме меня!

– Я помогу тебе стать свободной. Но это даже неважно.
Так даже интереснее, Настя...

Что интереснее? Встретаться с замужней?

Вольдемар впился в меня глазами и, облизываясь, ждал
ответа. А я, не выдержав его взгляда, открыла дверь и быстро
выпала:

– Нет! Такое не для меня!

– Тогда фирма будет моей со всеми вашими долгами, –
сказал юрист. – Кто из вас будет мне возмещать все убытки?
Твоя мама или ты?

– Какие убытки?

– Долги, которые я оплачивал все эти годы.

Я стояла в ступоре и ничего не понимала. Какие долги?
Почему он их оплачивал? Куда тетя смотрела? Кто это все
допустил?

Затем я молча ушла, услышав вдогонку слова этого
скользкого и мерзкого человека:

– Подумай, Настя... И приходи сюда...

Долги... Долги фирмы... Что Вольдемар мог оплачивать? Это же ложь! Только как доказать все без помощи папы? Разве папа допустил бы такое?

И я набрала номер Алика.

– Он захватил папин бизнес! – начала рыдать в трубку я. – Он ему не нужен! Но он захватил его и шантажирует!

– Золотая моя, успокойся, – Алик ничего не понимал.

– Фирма вся в долгах и идет на аукцион! А этот таракан хочет, чтобы я спала с ним!

Вряд ли Алик что-то понял, но сказал:

– Какая тварь!

– Алик, сделай что-нибудь! Ты же юрист!

– Я не юрист, а стилист, душа моя! Не называй меня этой мерзкой профессией!

– Алик... Все кончено, – зарыдала я, понимая, что от друга помощи точно мне не дожждаться.

– Ничего у нас с тобой не кончено, а только начинается, – возразил он. – Дорогая моя, я не юрист! Это папочка мой – гадкий человек с этой ужасной профессией.

– Попроси папу. Алик, пожалуйста, расскажи все ему, – стала я умолять друга. – Он же дружил с моим папой! Я должна спасти папину фирму!

– Ноу, ноу, ноу! Это без меня, девочка моя! В этом Алик тебе вряд ли поможет, только навредит.

– Алик!

– Что «Алик»? Алик с папой в контрах. Как думаешь, что

он мне скажет? Да, золотая моя, в зад пошлет! Но ты, душа моя, можешь прямо сейчас сама съездить к нему в офис. Его адрес я тебе сообщением скину. И не вздумай плакать из-за всяких прусаков. Спасем мы твою фирму. Алик что-нибудь придумает.

После разговора с лучшим другом мне стало легче. Но нельзя было ехать к отцу Алика без точной информации по нашей фирме. Поэтому, забыв про работу, я отправилась домой. Сейчас мне очень хотелось услышать все от своих близких.

Дома я застала маму возле компьютера. Олег варил кофе, а мама рассматривала на экране шикарные номера на Кипре. Они даже не заметили, что я давно пришла и наблюдала за ними. А я стояла и думала, откуда у них такие деньги, чтобы отдыхать в Греции?

– Вы улетаєте? – уточнила я.

– Доченька! Настя! Что же ты не предупредила, что придешь? Я бы тортик купила...

И только сейчас я заметила, как мама расцвела. Она словно помолодела на двадцать лет.

– Хочешь полететь с нами? – заулыбался ее ухажер, видимо, надеясь, что я к ним присоединюсь.

Но мама сразу резко пресекла:

– Нет, ни в коем случае. Это только наша поездка. Для нас двоих, мой зайчик...

– Мам, – раньше я не задавала таких вопросов, но сейчас

не время быть тактичной. – На какие средства вы летите в Кипр?

– Мы продаем фирму папы за очень хорошие деньги.

– Мам, ее нельзя продавать! Папа всегда говорил, что она нас вечно будет кормить!

– Папа умер – и все изменилось. На фирме одни долги. Лучше ее сейчас продать, пока возможно с нее что-то взять! – отрезала мама.

– А если поднять фирму?..

– А кто это будет делать? Я, которая не работала ни дня? Или Веля, которая всю жизнь работала управляющей горничными и в юридическом бизнесе ничего не понимает? Или ты со своей подружкой Аликом?

– Могу и я, – заулыбался Олег. – Но я не ручаюсь. Возможно, через месяц из вашей фирмы я сделаю ветеринарную клинику.

– Будет у тебя своя клиника, – послала ему мама воздушный поцелуй.

– Ты вкладываешь папины деньги в его бизнес? – уточнила я.

– Да. Олежа должен иметь свое дело и сам зарабатывать себе на жизнь.

– А что будет со мной? Что будет с тобой?

– Мы тебя не оставим, крошка, – Олег поднес мне чашку кофе. – Обещаю всегда заботиться о тебе и нежно любить. После твоей мамы, разумеется.

Она все ему отдает...

– Не осуждай меня! – взорвалась мама, хотя я ни слова ей не сказала. – Я имею право жить так, как хочу! Твой отец был неправ! Я имею право на личное счастье. А ты уже взрослая. Сама в состоянии позаботиться о себе! Олежик! Дай мне лекарство!

– Сейчас, сейчас...

– Нет, я умру! Так и знала, она ничего не поймет... – завыла мама.

– Все она понимает. Тебе двадцать капель?

– Какие двадцать? Капай сорок. Не смотри на меня так! – закричала мама. – Я делаю все правильно! Нет, это невыносимо!

– Тебе стоит сейчас уйти, – неожиданно прозвучал голос сзади. Я вздрогнула. Тетя Веля меня обняла. – Так лучше для всех.

– Нет... – вырвалась я. – Так не должно быть...

– Должно, не должно, но так есть. Фирма давно не приносит прибыли, а только убытки, – возразила тетя, но я не верила ни одному ее слову.

И вдруг мне стало все ясно. Это она, это Виолетта все устроила. Она с Олегом запудрили мозги маме и подсадили ее на капли.

– Мам! Не пей капли! – рванула я к родительнице. – Не ешь и не пей у них ничего! Выгони их! Мама!

Но, конечно, мама еще больше испугалась. С ней случи-

лась истерика, и меня просто вытолкнули из родной квартиры.

Я долго сидела под дверью и редела, обдумывая что мне делать. И во всем винила я себя. Это я за больной мамой не уследила. Это я все допустила. Ведь я не смогла взять все в свои руки и сбежала из дома, надеясь на этих людей, которых вообще не знала. Ведь при жизни отца тетя Веля всего один раз у нас была в гостях. Папа ее не любил и говорил: «В семье не без урода». А я все пустила на самотек...

Может, я целый день просидела бы под дверью, если бы не телефонный звонок...

Экран телефона показал мне веселое лицо подруги Юли. Вытерев слезы, я сняла трубку, но молчала, ведь могла опять разрыдаться. В принципе, с Юлей необязательно говорить первой, так как она сама затараторила:

– Ну, где тебя носит? Насть, наша ведьма уже ножи точит. Клиент пришел, а тебя все нет. Ты вообще где?

– Я не могу... – сглотнув слезы, попыталась не хлюпать носом. – Я занята...

– Ты заболела? Насть, позвони Регине, скажи, что у тебя температура.

– Я здорова. У меня проблемы...

– Родион объявился?

– Потом... – сейчас я не могла говорить о больном. – Потом...

И я стала медленно спускаться на первый этаж, решив,

что пора мне идти к отцу Алика.

– Он тебе развод не дает! Так я и думала! Насть, но ты держись там. Хочешь, мы в обед с Анькой приедем и таких ему люлей дадим?!

Снова слезы полились градом, так как я понимала, что сейчас некому люлей давать. Ведь сама во всем виновата, и подруги не смогут мне помочь.

– Ладно, я сделаю ногти твоей клиентке, но к четверем приходи на перерыв. В полпятого у меня свои клиенты, и я тебя уже не спасу. А ты знаешь, какие штрафы нам делает Региночка.

– Спасибо...

Я отключилась, чтобы она не услышала мои рыдания. Разве мне сейчас до штрафов? Моя мама в руках Виолетты и ее деверя Олега. А я не имею к ней доступа. Надо с этим что-то делать... Вся моя надежда была на Александра Александровича Швеца. Уж папа Алика наверняка знает, как спасти маму и остановить аукцион продажи фирмы.

Офис отца Алика находился на окраине города, но в очень приличном месте. И, конечно же, мне пришлось около часа ждать, пока он освободится и сможет принять меня. Я была приятно удивлена встретить папину секретаршу Марину Ивановну, которую забрал себе Александр Александрович. Эта женщина меня напоила кофе с печеньем, и я даже успокоилась. Было чувство, будто я пришла почти к себе домой,

а там в кабинете сейчас меня встретит папа...

Но отец Алика – далеко не мой папа. По его взгляду я поняла, что он не горит желанием приглашать меня к себе. Взгляд из-под бровей – его молчаливое приглашение сесть. Я чувствовала себя нашкодившей школьницей в кабинете директора. Когда он спросил, что меня привело к нему, то я, заикаясь, невнятно рассказала всю историю. Потом по тяжелому взгляду отца Алика поняла, что от него не стоит ждать ни жалости, ни сочувствия. Удивительно, насколько они с Аликом были разными. Только одно сходство у них – цвет глаз холодно-голубой. Но если Алик имел мягкий взгляд, то его отец резал глазами и замораживал.

– Ты хочешь моей помощи, я правильно понимаю? – голос у него был такой глухой и глубокий, что мне захотелось сразу сбежать и спрятаться.

Теперь я понимала Алика. Удивительно, что такая чувствительная натура моего друга смогла так долго терпеть давление отца.

– Надо спасти маму...

После моих слов в руках юриста сломался карандаш, но он словно не обратил на это внимания. По его взгляду я поняла, насколько Александр Александрович сильно ненавидел всех нас. Только не понимала почему, пока он не сказал:

– Маму спасти? А когда я пришел к Ирине, умоляя отдать мне мою зарплату, чтобы купить лекарства для умира-

ющей матери, знаешь, что она мне сказала? «Саша, я ничего не могу поделывать. Эти проблемы решает Веля». Теперь тебе известно к кому идти, чтобы решить твои проблемы.

– Мама больна...

– Моя мама тоже была больна.

Я почувствовала, что на меня вылился ушат помоев, и мне уж точно не стоит ждать помощи от Швеца. Когда я подошла к двери и дернула ручку, то отец Алика добавил:

– Когда вы останетесь без штанов, то скажи своей матери, что бумеранг всех настигает. Всегда приходится расплачиваться.

– За что? – спросила я его.

Неужели он не понял, что маму спаивали чем-то, что она не могла принимать адекватных решений?!

– Она знает.

Тем временем отец Алика сломал второй карандаш, и мне стало ясно, что я, видимо, еще чего-то не знаю. Тогда я взмолилась к его памяти и сердцу. У всех же есть что-то хорошее, значит, в Александре Александровиче тоже должно быть!

– Ради папы... Помогите нам, пожалуйста... – прошептала я, стоя, у двери.

– Ради твоего папы я не подал на вас в суд и не лишил лицензий. Большого ты от меня не дождешься. Уходи. И уроду моему передай, что если хочет тебе помочь, то пусть не позорится и поможет, как мужик, а не баба! И что ты в нем нашла? Что за мода пошла? Мужик и волосы красит! Тьфу!

Мерзость какая! В мое время его в армии так отходили бы!

Потом отец Алика ударил кулаком по столу, а я в ужасе выбежала из его кабинета. Только за дверью я поняла, что последняя моя надежда разбилась на мелкие осколки. Швец ненавидит мою мать и из-за Алика точно помогать не будет. А Алик... Даже если бы он втянулся в это дело, то вряд ли он смог судиться бы с самим Вольдемаром. Ведь мой друг всегда ненавидел эту профессию, и у него нет практики...

Я шла вся потерянная, чувствуя, как земля уходит из-под ног. И даже забыла попрощаться с Мариной Ивановной. Шла в никуда, думая, что мне сейчас делать... Идти к Вольдемару? Просить его помочь вытащить маму?

В душе я уже была готова пойти на эту жертву, так как не видела другого выхода. Вдруг снова пришло сообщение от неизвестного: «Ты не ответила. Тебя ждать?».

Это уже не смешно, и мне не до игр сейчас. Удалила сообщение и не успела спрятать в карман мобильник, как он тут же зазвонил. Увидев имя начальницы, я не рискнула проигнорировать ее звонок.

– Здравствуйте... – как мне сейчас хотелось оглохнуть и исчезнуть навсегда!

– У тебя совести нет! Устроить сегодня такой саботаж! Да при самой Ленски! Где ты бродишь, лентяйка безответственная?! Как у тебя совести хватает со мной так поступать?! Уж не ожидала я от тебя таких выкидонов!

– Я буду ко времени, – посмотрела я на часы и вздохнула, убедившись, что на перерыв к девочкам успеваю.

– Ко времени ты уже не успела! И тебе крупно повезло, Лазуренко! Если бы не наша замечательная Юля, которая тебя любезно выручила, то не видать тебе премии, как собственных ушей!

Регина, как всегда, вылила свою порцию негатива и отключилась. Но я знала, что сегодня мне еще и окна мыть. Она всегда сурово наказывала за малейшую провинность. А окна у нас неделю немытые...

Каждый день мы с девчонками на пятнадцать минут сбегали в кафе «Задний дворик», где можно было спокойно поговорить без вездесущих ушей Регины. Туда я пришла полностью разбитой и опустошенной. Заметив меня, Юля ахнула и, вскочив, раскрыла мне свои объятия:

– Настенька! Что случилось?

– Мне конец, девочки...

В этот раз я уже без слез им рассказала все, что произошло за этот непомерно длинный день.

– Вот козлы! – выругалась Юля. – А еще мужчинами гордо называются! Но мы не лыком сшиты. Мы другого юриста найдем. Алик! Алик же юрист!

Мне стало смешно. Впрочем, даже Аня в голос рассмеялась:

– Быстрее я – монашка, чем Алик ваш юрист. Насть, про-

сти, но ты сама веришь, что наш сладенький мальчик сможет тебе помочь? Мне кажется, лучше найти другого грамотного человека.

– Против Вольдемара? – я уже понимала, что папин юрист – настоящая акула. Тут только отец Алика мог помочь. – У нас денег не хватит, чтобы найти достойного противника.

– А мне кажется, рад и тебя Алик с любым тараканом справится! – вставила с грустинкой Юля.

– Ну, если только с тараканом! – заметила Аня.

– Мне порой кажется, что он вовсе не «радужный» и нашу Настеньку обожает больше жизни. Мне даже хочется его придушить! Я целых пять лет на него потратила! А он...

– Любит и обожает только себя, как любой кошак, – заулыбалась Аня. – А Настя имеет большую слабость к эгоистичным, но пушистым котикам.

– Лучше б он был, как мартовский кот, чем из этих... Никогда не подумала бы, что я когда-нибудь стану с ним соревноваться в мастерстве и стану врагом номер один! Что мне любимую подругу с ним придется делить! А я ведь ради него на парикмахера пошла и всему научилась, что умеет делать он!

Вот так всегда. О чем мы не говорили, Юля все сводила к Алику. Она жила с ним в одном доме, влюблена в него еще со школьных лет и была страшно удивлена, что мы вместе ходили с ним в художественный класс. А потом, когда всем

стала ясна его ориентация, то Юля грезила его изменить, но терпела провал за провалом. Вместо дружбы между ними появилось соперничество. Алик еле переносил подругу и всячески обесценивал ее работу. А Юля в свою очередь приходила в бешенство и ревновала его ко мне. Хотя сейчас Юлька встречалась с другими мальчиками, но все ее разговоры так и сводились к Алику.

– Ты много на себя берешь. Ты никогда не научишься делать так, как Алик. Потому что Алик только может быть один! – передразнила нашего друга Аня. – Гения тебе не повторить! На то Алик – гений!

Мы рассмеялись, а Юля сказала:

– Но мне кажется, что он притворяется! Потому что я не видела с ним ни одного парня, только Настю! Я же не дура!

– Прости меня, Юль, но ты – большая дурочка, – сказала Аня, потягивая коктейль и хитро улыбаясь. – Твой Алик еще та невинная девочка.

Тут уже я уставилась на Аню, заметив гневный взгляд Юли. Мы уже поняли, куда клонит наша подруга.

– Он из тех самых, поверь, я проверяла.

– Чего?! – ударила руками по столу Юля. – Ты трогала моего Алика?!

– Я всего лишь его проверила, – кокетливо захихикала Аня. – Немного выпила для храбрости и решила проверить...

Юля взревела, а я закрыла лицо руками, представив это.

Хотя, честно, даже не представляю. Что она с ним делала? Силой брала?

– Его не пленила ни короткая юбка, ни красивая грудь, и целоваться он со мной не захотел. «Радужный» он, девочки и это не лечится. Смиритесь.

А я-то тут при чем? Я ещё замужем.

– Ты... Посмела... – запыхтела Юля.

– У тебя есть парень, – напомнила ей Аня.

– Это тебя не касается!

– Алик ничей, – новая попытка Ани отвертеться снова не увенчалась успехом.

– Он мой! – взбесилась Юля.

– А я лишаюсь мамы, денег и фирмы, – напомнила я им.

– Действительно, будем еще ругаться из-за самовлюбленной девчонки, которая даже целоваться не умеет.

– Я тебя убью! – Юля швырнула в Аню недоеденную слойку. – Вечно так! Наклюкается, а потом лезет к чужим парням!

– Алик вовсе не парень, а девчонка в штанах, у которого на настоящих девочек и не пошевелится.

– Так ты ему еще и в штаны лазила! – в Аню полетела уже чашка.

Боже! Спасите меня от этого разговора! Я даже этого представлять не хочу!

– Да успокойся ты. Он Настей прикрывается, только потому, что она стеснительная и никогда в своих чувствах ему

не признается.

– Что? – это она обо мне?

– Настя любит Родиона, – парировала Юля. – А этот козел домой даже не чешется. У жены проблемы, а он в кино с друзьями прохлаждается.

– Что?! Родион здесь?!

Казалось, что меня сейчас разорвет от нахлынувших эмоций. Мой муж здесь, а Юля знала и ничего не сказала!

Подруга, взглянув на меня, вдруг ударила себя по лбу.

– Да что же это я?! Я-то думала, ты из-за него плачешь, думала, ты знаешь!

– А я тоже думала, что вы в курсе ориентации Алика... – продолжала защищать себя Аня.

– Алик – мой! А ты на него протянула свои лапищи! – закричала Юля и посмотрела на меня. – Прости, пожалуйста. Да, я видела твоего Родиона в кино, когда ходила с Бояровым на ужастики.

– Может, тебе показалось? – усомнилась я.

– Да он прямо передо мной сидел! Что, я своего одноклассника не узнаю? Он не так уж сильно изменился. Только космы отрастил и помыть голову забывает. Ходит и воняет, как бомж.

– Это не он, – не поверила я. Родион у мамочки всегда чистюлей был. Так что вряд ли он так изменился бы.

– Он, не он, а мы, девочки, уже опаздываем. Мне тоже пора в офис возвращаться. А то скоро на меня всех собак

спустят

– И правильно сделают. Я бы еще всех жен твоих любовников на тебя натравила!

Аня показала Юльке язык и засмеялась. Юля пошла впереди, а мы с Аней немного отстали, и она мне сказала:

– Знаешь, ничего плохо нет в этом, чтобы быть любовницей даже такого лысого парня, как Вольдемар. Ну, побудешь ты с ним, пока он не отсудит тебе твою фирму. Оба поразвлекаетесь и расстанетесь удовлетворенными. Он получит тебя, а ты и развлечешься, и проблемы все свои решишь. Все в шоколаде! Не слушай Юльку. Она жизни не знает. Ходит в розовых очках и верит, что ее Алик когда-нибудь исцелится.

Я промолчала, так как не знала, как мне поступить. С тех пор, как уехал Родион, я ни с кем не встречалась. В моей жизни был только один мужчина, если можно его было назвать мужчиной. Я избегала парней и думать даже не могла об отношениях. Лишь редко промелькали искры в сторону Алика, когда мне казалось, что он в меня влюблен. Но это были редкие мгновения. И, скорее всего, это случалось при моем гормональном всплеске.

Сейчас любое прикосновение мужчины мне казалось диким. А уж представлять рядом с собой Вольдемара я панически боялась.

Как вспомню его с придыханием «Настя», так у меня сра-

зу коленки начинают трястись, а сердце от страха сжимается в кулак младенца.

– Я не смогу... – возразила я. – Боюсь его... Он мне противен.

Аня тут же рассмеялась:

– Да ладно, Настюш, ты просто не пробовала. Первый раз всем страшно и противно до тошноты, а потом дело привычное. Как говорится, стерпится – слюбится. Ты на благое дело идёшь.

– Это на какое дело ты ее подстрекаешь? – развернулась к нам Юля.

– Ой, все, рыжуля, – безответно чмокнула ее в щеку Аня. – Мне пора. Интересно с вами, но меня сейчас поимеют. Пока, пока!

Я помахала подруге, а Юлька сказала:

– Вот не понимаю, почему мы терпим ее? В ней нет ничего святого.

– Аня искренняя и такая, какая есть, – ответила я.

– Да стерва ещё та! Никогда ее не прощу за Алика!

– Юль, но Аня права, – заступилась за подругу я.

– Алкоголичка озабоченная!

– Юль, но Алик не повелся же...

– Уж лучше бы повелся!

Нет, это бесконечный разговор. Иногда я думала, что нас всех объединяет только Алик. Он уволился, а у меня было чувство, что он постоянно присутствует около нас. Если бы

люди и правда, икали, когда их вспоминают, то наш друг превратился бы в зайку.

– Ты сама не знаешь, чего ты хочешь.

– Зато я знаю, зайка моя, чего очень и очень хочу! – внезапно передо мной появился Богдан.

– А где Регина? – вместо «здравствуйте» спросила я.

– Она уехала к кардиологу. Нам очень повезло, моя радость, – нагло лыбился он.

– Настя, твоя клиентка уже на месте! – выручила меня подруга.

Моментально я получила по пятой точке, когда проходила мимо жениха хозяйки.

Но долго радоваться мне не пришлось. После моей вип-клиентки на маникюр сел Богдан. Мне пришлось и с его руками заниматься. Пока я обрабатывала ему ногти, он засыпал меня комплиментами, обещая сладкую жизнь, если я приму его ухаживания. А когда понял, что ему ничего не светит, то принялся угрожать:

– Я хочу получить от тебя массаж.

– Я не умею делать массаж. Эти услуги делал Алик.

– А мы скажем Регине, что это Алик, а придёшь ты.

– У меня нет времени.

– Найдешь, или я скажу Регине, что ты меня домогаешься, тогда работы тебе не видать.

Я была ошарашена.

– После смены я буду ждать ответ, зая моя. Ведь ты пора-

дуешь горячего парня?

Я молчала, думая, как избежать этого разговора. Вдруг снова пришло сообщение от неизвестного номера: «Ну, что ты молчишь? Это же я!».

«Кто это?» – все же спросила я, думая, а не Родион ли это?

«Твой любимый мишка», – последовал ответ.

Мне сделалось плохо. Кто-то жестоко разыгрывал меня. Все подозрения пали на моего блудного мужа, и я внесла этот номер в черный список. Если это мой муж, то я его видеть не хочу! Единственное, что я могу ему сейчас дать, так это развод и то, чтобы никогда его больше не видеть.

За эти годы во мне накопилось столько горечи и опустошающей ненависти к нему. Теперь я не могла понять, за что его любила? Какая это была глупость! Как я вообще за него замуж пошла?

Ах да, мой папа. Ведь ради его радости я пошла под венец.

И, наверное, я сейчас сделала бы то же самое. Папа – это единственный человек, которого я любила больше всех.

Я приняла ещё одну клиентку и специально задерживалась, чтобы Богдану надоело меня ждать, и он свалил куда-нибудь подальше. Но, как назло, «горячий парень» сидел в соседней комнате и громко болтал со своими родственниками по видеосвязи.

Когда Юля заглянула ко мне, то украдкой позвала:

– Давай, я сама клиентке топ наложу и массаж рук сделаю.

А ты беги через черный ход.

Что я и сделала. Завтра у меня выходной, а там Богдана не будет. А через три дня у него появится новый заскок.

Я сбежала, но идти домой не хотелось. Был первый порыв бежать к маме. Но я себя остановила, вспомнив тетю Велю с Олегом. Поэтому просто бродила по улицам, решая, что мне делать.

Неожиданно моя свекровь помогла принять решение.

– Ну и где ты?! – начала она орать по телефону. – Где мои двадцать семь тысяч?!

Уже двадцать семь.

– Их нет. Фирму продают. Она давно не приносит прибыли.

– Хватит мне врать! Неси немедленно деньги! Я что, сама должна в кредиты влезать?!

– А я не знаю...

– Зато я знаю! Мне нужны деньги! Я не собираюсь при живой дочери помирать от голода! Я жду!

Мне это надоело, и я выключила телефон, чтобы никто больше меня не беспокоил. А в голове прозвучал спокойный голос Ани: «Тут ничего такого нет. Стерпится – слюбится».

Внезапно ноги сами понесли меня к офису папы. И я не заметила, как прошла мимо памятника. Ведь я просто шла в офис. И вдруг меня кто-то резко схватил за плечи.

– Настя!

Этот голос я никогда ни с кем не перепутаю! От страха я завизжала, но мне быстро заткнули рот.

– Тише, тише ты.

Смуглая брюнетка во всем черном, а на голове надет капюшон. Никогда в жизни я не узнала бы ее, поэтому, дрожа, спросила:

– Оля?

Глава 3

Боже мой! Оля! Я не могу в это поверить!

Шла я за ней, а сама сомневалась в происходящем. Глядя на ее быструю и уверенную походку, мне казалось, что схожу с ума. Но это она, не может быть никаких сомнений. Только одно кое-что указывало, что с ней происходили какие-то странности. Оля сутулилась и прятала лицо под капюшоном и иногда оглядывалась. А я за ней едва поспевала. Наконец сестра завела меня в трущобы на окраине города. Мы вошли в весьма приличную квартиру. Когда Оля закрыла за мной дверь, то крепко обняла меня и сказала глубоким грудным голосом:

– Настя, как же я рада... Ты совсем не изменилась.

– Оля! Ты жива! Ты жива, а мы ничего не знали! – моя радость от ее появления сменилась горечью.

А Ольга тем временем сняла с себя капюшон и, поморщившись, ответила:

– Ну, давай теперь убей меня в натуре.

– Почему ты раньше не сообщила? – тут до меня дошло, что мы ее похоронили! – Боже мой, Оля! Тебя же нет!

– Я здесь, – схватила она меня за предплечье. – И успокойся наконец! Так надо было...

– Что «надо было»? Тебя похоронить?

– Да. Чтобы я умерла.

– Зачем?

– Чтобы выжить! Ну, что ты тупишь? Думаешь, мне этого хотелось?

Глаза сестры странно забегали, и я увидела, что она закусывает губу. А это означает, что она тщательно подбирала для меня слова. Тогда я спросила:

– У тебя проблемы?

– В Америке есть бандиты, которые перепутали меня с одной аферисткой. И мне оставалось только одно – умереть, чтобы выжить.

– Но мама же...

Оля зажмурилась, прервав меня поднятой рукой.

– Мне не до вашего горя было! Что для вас лучше – в реале похоронить меня или на время, пока все не устаканится?

– Но мы же по-настоящему пережили горе, – возразила я.

– Но я жива! И сейчас мне нужна твоя помощь!

Я посмотрела в лицо сестры и с грустью поняла, что если бы не проблемы, то Ольга никогда не объявилась бы, чтобы сообщить нам с мамой, что она жива.

– Идем, – Оля пригласила меня в огромную кухню и, зашторив окна, достала бокалы. – Нам нужно расслабиться и пообщаться, – сказала она, вздохнув.

Видимо, поняла, что сейчас я не готова к контакту. Ведь я ничего о ней не знала, а она – обо мне. Оля даже не спросила, как мама. А у нас полно проблем, а сестра, как всегда, решает только свои...

Оля достала большую бутылку, на этикетке которой были нарисованы пальмы, разлила содержимое по бокалам и, подняв свой, сказала:

– Будем!

Мне пить не хотелось. Я с разочарованием смотрела на сестру и молчала. Она же осушила второй бокал, а потом сказала:

– Они подозревают, что я жива.

– Кто? Бандиты?

– Да. Надо им дать понять, что это ты, а не я, понимаешь?

– Нет, как я могу дать понять?

– Я все продумала. Мы на время поменяемся местами. Я буду тобой. Ты знаешь, я хорошо тебя играю. А ты – мной.

– Я не умею тебя играть, – напомнила я сестре.

– А мне и надо, чтобы ты сыграла меня плохо. Послушай, тот человек ищет меня и придет ко мне домой. Но он увидит Настю. А ты на время попадешь на мое место. Я уже все устроила. Придумала легенду, по которой я попала в аварию и потеряла память. Ты ничего не помнишь, поэтому никого не узнаешь, понимаешь? Потом до них дойдет, что ты не при чем и отпустят тебя. Ты же белая овечка, и тебе поверят.

Тут я уже выпила и ничего окончательно запуталась после рассказа сестры.

– Постой, а почему они тебе не верят?

– Долго объяснять. Но я тут не при чем. Настя, мне нужно всего лишь уехать под твоим паспортом и все. Потом ты

приедешь в Италию, и мы снова обменяемся личностями.

– Нет, – не согласилась я. – Мне хватило выпускного, после которого я была вынуждена выйти замуж за парня, который был влюблен в тебя. Спасибо, больше этого не будет.

– Я клянусь, тебе не придется снова выходить замуж. Только надо сыграть меня и сказать, что ничего не помнишь.

Оля посмотрела на меня с отчаянием. Я хорошо знала свою сестру, и сейчас она не врала. У нее действительно были серьезные неприятности. И я, как всегда, сдалась:

– Ты точно не сделала ничего плохого тем людям?

– Ну, что я им могла сделать?! Я просто работала секретаршей. Но скажу сразу, там гадюшник. Они сами друг друга пожирают. Верить там никому нельзя. Ты просто всем скажешь одно и то же. Они поймут, что с тебя взять нечего, и отпустят. Потом ты полетишь ко мне в Италию через Беларусь, поняла?

– Да, – вздохнула я, осознавая, что втягиваюсь в очень нехорошее дело. Но разве у меня есть выбор? Оля жива! И она в беде. Если это единственный выход... – Тогда и ты маму спаси, – вдруг осенило меня.

Оля хмуро посмотрела:

– А что не так с ней-то? Она вроде живет с молодым парнем.

Я была удивлена ее осведомленности. Но все-таки со слезами на глазах рассказала все подробности, при этом выпив с ней еще бокал горького напитка. Оля слушала молча и от-

страненно, словно ее это совсем не трогало. Затем она спросила:

– У тебя полно своих денег. Почему ты ими не воспользовалась, чтобы нанять хорошего юриста и взять дело под свой контроль?

Тут я вылупилась. Ведь и правда, я совсем не подумала, что это же и есть «большое дело». На это можно было выложить все деньги, чтобы спасти фирму папы.

– Но я ничего не понимаю в папиных делах. Я не ты, – пролепетала я.

– Можно было нанять людей и вникнуть. Ты же не тупая. Со временем все поняла бы, – ответила Оля. – Ладно, разберусь я с твоим тараканом. А теперь ближе к делу, – поднявшись, сказала она. – Познакомь меня со всем своим окружением. Мне надо знать о них все. Никто не должен заметить подмены.

Оля нисколько не изменилась, все запоминала с первого раза. Правда, я боялась забыть что-нибудь важное ей рассказать. Разве можно все сразу вспомнить?

– Оль, давай завтра встретимся, – взмолилась я, увидев на телефоне, что почти девять часов вечера.

– Некогда, – ответила она. – Тебе нужно сегодня прийти на вечеринку Ветрова.

– А кто это?

Оля вздохнула.

– Мой начальник. Тебе надо появиться и убедить его,

что ты – божий одуванчик, невинная ромашка, что страшно больна и едешь лечиться в Италию.

– Прямо сегодня? – я не верила своим ушам.

– Да.

– Почему ты раньше не появилась?! Мне надо подготовиться, надо собраться...

– Я не могла. В больнице я была! Тянула до последнего, пока не прижало, и сбежала.

– Откуда?

– Из больницы.

– Так ты и правда, в аварию попала.

– Я же говорю, меня преследуют.

Я смотрела на сестру и хотела понять, что с ней происходит. Но, отлично зная Ольгу, понимала – она ничего мне не объяснит.

– Послушай, – продолжила сестра. – Там тебе ничего не грозит. Ты ничего не знаешь, ничего не помнишь. Главное, с папочек избегай и никому не верь. А теперь к делу, – Оля открыла шкаф и достала шикарное короткое вишневое платье. Затем взглянула на меня и поморщилась. – Нет... Мне кажется, но ты дохлее меня? У тебя грудь меньше!

Смущаясь, я сделала шаг назад.

– Ну-ка, – Оля протянула безумно короткое ярко-сиреневое расклешённое от плеч платье в стиле «бэби-долл». – Вот это, а к ним красивые колготки и кожаную курточку.

Когда я переоделась, то Оля выдохнула:

– Фух! Ты совсем чуть-чуть хуже меня, – сестра нацепила на себя мою одежду. – Где-то полразмера.

– Ты же брюнетка. Как ты будешь мной? – тут до меня дошло, что Оля сейчас придет вместо меня домой, а там Алик!

– Была брюнеткой, а стану блондинкой! – Оля достала из пакета парик с длинными волосами, похожий на наш натуральный цвет и, надев на себя, спросила: – Ну как тебе?

Да, сейчас она очень была похожа на меня. Только...

– Ты смуглая, а я не такая.

– Сейчас уберу свой загар.

Пока Оля смывала тональник, а я попросила ее:

– Можно я пойду с тобой? Мне надо поговорить с Аликом.

– Это с тем художником?

На моих глазах Оля посветлела, и все больше я ее узнавала, будто она никуда не уезжала. Сестра становилась прежней, только я заметила легкие шрамы на ее лице.

– Да, ты должна знать, – я закусила губу. Поймет ли она? – Он живет в моей, то есть в твоей бывшей квартире вместе со мной.

Оля резко обернулась:

– Так ты с ним в отношениях?

– Нет! Алик... Он не такой...

– Насть, вы просто по дружбе спите?

– Нет, его отец выгнал! И он живет у меня, – отрезала я.

– Хорошо, – безразлично ответила Оля.

– Ему надо сказать правду.

– Никому нельзя знать правду! – сестра резко схватила меня за плечи. – Это опасно! Дурочка!

– Но Алик...

– Перебьется твой Алик!

– Можно я с ним поговорю? – с надеждой спросила я.

– Нет! Теперь я – это ты.

Алик как будто чувствовал, что мы о нем вспоминаем, вдруг позвонил мне. Я быстро взяла трубку и ответила:

– Алик!

– Ну, где тебя носит, дорогая? Ужин остыл. Мы голодные с Басиком, как пираньи...

Оля выхватила телефон, включила громкую связь и дала мне знак отвечать ему.

– Прости, пожалуйста, ты знаешь, что сегодня у меня трудный день...

– Ну, приходи уже. Алик тебя успокоит. Расскажешь, как ты поговорила с этим неприличным человеком, который породил меня.

Оля дала знак мне замолчать и сама ему ответила:

– Конечно... Алик, все так плохо...

– Я так и думал, он отказал тебе. Скрыга бессердечная! Ну, ничего, Алик все устроит... Приходи скорее, я тебе сюрприз покажу. Может, тебя нам с Басиком встретить? Ты знаешь, он так боится улицу, мой сладкий носик... – Алик, видимо, расцеловывал кота.

Оля сделала брезгливое лицо, но сказала:

– Конечно, он же маленькая лапка. Не надо меня встречать. Я почти дома. Скоро буду, – и отключила телефон. – Ну как? Вообще не догадался.

– Он поймет! – возразила я. – Как только увидит тебя... Это же Алик!

– Ничего он не поймет! Он даже не знает, что у тебя была сестра-близнец. Ты мне лучше скажи, что еще за Басик живет в моей квартире?! У меня же на пух аллергия!

Как всегда, я сразу почувствовала стыд, но вспомнила:

– Ты же умерла...

– Проехали! – отмахнулась Оля. – Надо не забыть лекарство... И тебе...

Оля подошла ко мне. В ее руках было полно колец. Она их сразу стал надевать мне на руки.

– Не снимай, пока в Италию не прилетишь.

– Почему?

– Он может вычислить...

– Кто? Бандит?

– Просто не снимай. Ты – это я. А я ношу много колец.

Больше я от нее ничего не добилась. Оля забрала у меня кольцо мамы, золотой браслет и мы обменялись телефонами.

– Срок три дня, – сказала она. – Ты должна улететь вот в это место. На моей карте есть деньги. Тебе хватит.

– Мне жить в этой квартире? – поинтересовалась я.

– Если дадут, то да. А так сделай все, чтобы улететь. И никому не верь.

Это было последнее, что я от нее услышала.

И снова знакомое чувство: уж очень неудобно в платье сестры. Оно слишком короткое. Узорчатые колготки, ботфорты, яркий макияж и очки. Оле не понравился мой взгляд. Сказала, что мне не хватает хищности. В клубе горели огни. Как я хотела заказать любимый коктейль, но нельзя. Оля пила напитки помощнее.

Меня сразу встретили ее подруги, которых я вообще не знала. Одна из них себя называла Оксаной. Светло-русая, но концы волос окрашены были в голубой цвет. Она много пила и смеялась. Никто не заметил, что я не Оля, хотя мне даже неизвестны имена ее новых подруг.

Девушки много болтали о каких-то мужчинах. Я их почти не слушала, пока не увидела его...

Высокий, спортивный и светло-русый парень с глазами золотисто-миндального цвета. А улыбка... красивее, чем у Тома Круза. От увиденного я забыла, как дышать.

Со мной давно такого не было. Мне казалось, что я красивее парня никогда в жизни не видела.

– Никита Ветров! – воскликнула Оксана с претензией в голосе. – О, нет! Он смотрит на тебя! Лека, тебе конец!

Да мне и так уже конец. Потому что я не могла от него глаз отвести. С каждым его шагом навстречу ко мне мое сердце замирало на секунду...

Он приблизился. В лицо ударил лёгкий аромат его парфюма. И склонился надо мной так близко, что на мгновение я подумала, он вот-вот поцелует меня. Всего секунду я ощутила разлетевшиеся искры вокруг нас и его дикое притяжение...

И, конечно же, я совсем не ожидала услышать это:

– Ну что? Попалась? – он сильно, до боли схватил меня за руку и потащил за собой к выходу. – А теперь ты за все ответишь, блудная жёнушка.

В моей голове сразу пронеслись мысли: «Этот красавчик знает Олю! Разве сестра замужем? Неужели я снова из-за нее влипла?!»...

Дорогие читатели!

Если кнопка купить не работает, то можно книгу купить со страницы книги (жми на слово)

Красивый незнакомец так крепко сжимал мою руку, что хотелось кричать от боли. Наконец он завел меня в какую-то маленькую комнатку, в которой находились всего лишь: шкаф, зеркало с полочкой и диван. Красавчик поставил меня перед собой и, погладив рукой мой подбородок с шеей, обратился ко мне:

– Ну, давай выкладывай всю правду. Где гуляла? Все мои деньги пропила?

От его магически красивого голоса я не могла пошевелиться. А этот горящий взгляд сковывал мое нутро, и я ощу-

щала мелкую дрожь во всем теле. Его образ и сила завораживали, и в то же время я дико боялась, поэтому молчала. И я не знала, что сказать, ведь Оля мне про него ничего не говорила.

А между тем красавчик прижал меня к стене и, все держа за шею, склонился. Мое сердце забилося быстрее. Он же не будет целоваться?

Я уловила запах мяты и пыталась понять по горящим глазам напротив, что этот незнакомец ко мне, то есть к Оле чувствует: страсть или ненависть?

– Заварила кашу и надеялась спрятаться от меня? – все же он начал целовать, но быстро оторвался и уже с волнением продолжил: – Не выйдет.

Затем снова пошли страстные поцелуи. От шока я не могла сориентироваться, как мне себя вести. Если Оля ему жена, то я должна сказать правду! А если я его неправильно поняла, и это была шутка, прозвище или стеб?

Его страсть, настойчивость и сила просто сводили меня с ума... Я должна была прекратить все это, но не нашла в себе ни смелости, ни силу воли. Мне нравились его мятные, до боли смелые поцелуи. Но в ответ я его не целовала, лишь позволяла.

Видимо, он заметил мой ступор и, оторвавшись, с отдышкой продолжил:

– Сегодня ты получишь свое! Жenuшка!

– Я? Жenuшка? – осмелела я.

Ведь Оля сказала, что по легенде я ничего не помню. По его глазам я поняла, что он дико зол на меня, вернее на сестру.

– А ты думала, что твое вранье останется бесследным?
Вранье?

– Сейчас ты подойдешь к моей бабушке, поздравишь ее и будешь паинькой, которая не пьет, как сапожник, и не знает о существовании секса до брака.

– А...а зачем? – спросила я.

Я вообще не могла понять кто он такой. Почему я – же-нушка, в чем соврала и зачем мне быть паинькой перед его бабушкой?

Тут красавчик с подозрением взглянул на меня, и до меня дошло! Я же все это время не играла сестру! Я была собой! Тогда я гордо откинула голову, как это всегда делала Оля. Узнав это движение, парень рассмеялся:

– Опять строишь из себя невинную зайку! Все! Я наелся твоих обещаний! Мне вот где твои басни уже стоят! – показал красавчик на свое горло, затем схватил меня за правую руку и посмотрел на мои кольца: – Ах вот оно! – и снял с моей руки красивое колечко с голубым камнем. – Оно не твое! – в его глазах я прочитала боль. – И никогда им не будет!

Боже мой! Оля украла это кольцо? Оля наврала кому-то, что является его женой? Кем она ему была, если он так себя ведет? Вопросы в моей голове, сменяя один другим, просто

роились.

Затем красавчик снова с подозрением посмотрел на меня, и мне пришлось сделать обиженный жест сестры. Тогда он достал из шкафа пакет и пихнул его мне в руки.

– Это от тебя подарок для моей бабушки, – теперь у меня не было сомнений: он дико злился, даже слов не находил. – Идем, нас давно все ждут. И попробуй мне только дурака свалить! – красавчик схватил меня за подбородок. – Будешь расхлебывать то, что заварила, – он отпустил меня и открыл дверь, пропустив вперед. – И не вздумай бежать. Только опозоришься перед охраной. Дома еще поговорим...

Отдельный украшенный зал со столами, небольшая сцена, на которой стояли аппаратура ди-джея и столик ведущих. Красивая девушка отпускала шутки, а парень жестами развлекал народ.

Мы тихо прошли и сели за свободный столик, как я поняла, на наши места. Красавчик сел напротив и исподлобья смотрел на меня, совсем не слушая ведущих праздника. Он практически ничего не ел, а только прожигал золотисто-миндальными глазами, под взглядом которых мне было трудно дышать. Я все еще чувствовала во рту вкус мяты после его поцелуя и стыдилась своих, внезапно возникших новых чувств. Ведь я не знала, кем он приходится моей сестре. А вдруг мужем?

Чтобы, хоть как-то отвлечься от красавчика, я взяла закуски в виде креветок, стала есть, запивая коктейлем, и смотрела только на ведущую, хотя кожей чувствовала его взгляд. Сколько я креветок съела? Вероятно, много, потому что он спросил:

– И как? Вкусно?

Сначала не поняла, про что красавчик спросил, но когда положила очередную закуску в рот, то догадалась.

– Да, очень...

И вдруг увидела его улыбку, а выражение лица говорило о замешательстве.

– Креветки? Вкусные? – уточнил парень.

Я впала в ступор и, пожав плечами, подтвердила:

– Ну да...

– Что с тобой? – удивился красавчик.

И тут до меня дошло: «Разве Оля не любит креветки? Блин! Она же и коктейли не пьет!». Затем я сделала узнаваемое выражение лица сестры.

– Вкусы у людей меняются... – надеюсь, правдоподобно у меня прозвучало.

– Допустим... – какие у него блестящие и красивые глаза! – Ты какая-то не такая. Что на этот раз задумала?

Я лишь успела гордо задрать носик, и тут ведущие объявили перерыв. Тогда этот парень поднялся и сказал мне:

– Пошли.

Я забрала свою сумочку и пакет, догадавшись, что мы бу-

дем поздравлять эту кудрявую бабушку в белом костюме, сидевшую в самом центре зала. Подойдя ближе к старушке, даже взгляд моего спутника изменился, а не только движения и голос. Он поцеловал именинницу и представил меня ей:

– А это Настя.

Настя?! Что?!

– Моя невеста.

Невеста!

Я думала, что сейчас упаду, так как от нервов ноги у меня стали ватными. И я даже завалилась на бок, но парень вовремя подхватил меня за талию.

– Знаю, она тебе понравилась. Так что теперь все официально.

– Ники, это лучший подарок для меня. Наконец-то ты остепенился, мой мальчик. А то, что же это? Колечко любимой девушке подарил, а невестой так и не сделал? Когда свадьбу назначили?

– Позже объявлю.

– Ай-ай-ай! Опять лишний год бабушку заставляешь прожить! Вот негодник!

Я не сводила глаз со старушки, которая выглядела весьма бодро. Цвет глаз у нее такой же, как у Ника, только взгляд более мягкий и внимательный.

– Она тебе хочет кое-что сказать, – выдвинул меня он перед собой.

Запинаясь и дрожа, я сказала:

– От всей души п...поздравляю вас с днем рож...дения...

– и вручила пакет.

Тем временем Никита, склонившись, прошептал:

– И все? Пожелания давай.

– Ж...желаю...

– Бабуль, – прервал он меня, видимо, чтобы вывести из неловкого положения. – Мы желаем тебе прожить еще столько же прекрасных лет. Чтобы ты всегда оставалась такой бодрой красавицей и воспитала всех правнуков.

Именинница рассмеялась:

– Ух, жук! Знаю я тебя! Со свадьбы хочешь соскочить. А я не дам тебе! Ты женишься у меня на этой милой девочке.

– Поверь, у нас с ней все очень хорошо, – Никита крепко прижал меня к себе.

– Насть, отстань от моего сына, – грубым голосом заговорила женщина с мужской стрижкой, сидевшая рядом с бабушкой.

– Анастасия Егоровна, – поправила ее именинница, – Сколько раз тебе напоминать?

– Мой сын сам решит, когда и на ком ему жениться.

– Таким, как ты, он никогда не будет! – заявила старушка.

А я с удивлением на нее посмотрела. Анастасия Егоровна. Она – Настя, как и я.

– Принеси-ка нам хорошего вина. Я выпью с этой девочкой за вашу помолвку, – попросила своего внука старушка. Никита, улыбнувшись, ушел.

– Что тут раздувать? – фыркнула мать Никиты. – Сегодня встречаются, завтра разойдутся. Не на каждой же теперь ему жениться!

– Кто и с кем встречается? – подошел темноволосый статный мужчина и поцеловал старушку в щеку, передав ей коробочку с бантиком. – Прости, ма, опоздал. Дела... – затем он увидел меня и страшно удивился.

– Да, эта девочка – невеста нашего Ники, – радостно сообщила Анастасия Егоровна.

По его взгляду, ужасно морозящему, я сразу поняла, что этот мужчина – отец Никиты. Такие взгляды, похоже, передаются у них генетически. И, видимо, моя сестра успела и ему навредить.

– Она? – не поверил он. – Настя?

– Валера, Настенька – самый лучший вариант для нашего мальчика.

– У моего сына уже есть невеста.

Его долгий взгляд доводил меня до ужаса.

– Которую выбрал ему ты, а не он сам, – напомнила бабуля.

– Он согласился, – ответил тот, не сводя с меня глаз. – А эта... Она же помощница сына?

Ах! Наконец-то до меня дошло. Никита и есть тот Ветров, у которого работала Оля! А это его змеиное гнездо, то есть семья?

Вспомнив, что изображаю Олю, я откинула волосы в ее

манере и сразу услышала:

– Мам, мы отойдем на минуточку? Надо спросить о делах моего непутевого отпрыска.

Ответа мужчина ждать не стал, а подтолкнул меня в сторону сцены. Когда мы ушли за занавес, то он сразу крепко обнял меня.

– Настя, что ты делаешь? Ты наказываешь меня? – его рука сползла на мою пятую точку, а на шее я почувствовала поцелуй.

Страх и оцепенение, сменились на отвращение. Не знаю, откуда я нашла в себе силы оттолкнуть его от себя.

– Нет! – крикнула я и, увидев на его лице искреннее удивление, постаралась объяснить: – Я же теперь невеста... Ника.

Но в ответ услышала истерический смех:

– Ты – моя! Глупая!

Несмотря на жуткий страх, я задрала вверх нос и грубым голосом четко ответила:

– Нет, никогда этого не было и не будет!

Надеюсь, достоверно получилось? Ведь Оля не могла встречаться с двумя близкими между собой родственниками!

– Я тебя не отдам этому щенку, ты понимаешь? – наступал на меня мужчина. – За что ты так жестоко со мной?

– Я? – попятилась назад я, соображая, что же ему ответить, что связывает сестру с этим человеком.

– Ты специально все это устроила? Хочешь взять реванш?

– Нет, – страх неожиданно придал мне смелости, хотя я чувствовала себя загнанной добычей: – Я люблю вашего сына.

– Какое чистосердечное признание! Прямо плакать хочется! – вдруг послышался дикий сарказм в голосе Никиты.

Он ни грамма не поверил моим словам, к счастью. Потому что в любви моей сестры к нему теперь я очень сильно сомневалась.

– Слышишь, папочка, у нас тут тишь да благодать, – Никита крепко обнял меня за талию. И это была не нежность, а скорее проявление силы для подчинения. – Женюсь я на этой безродной девушке. Как тебе это?

Никита его злит? Он знал про отношения Оли со своим отцом?!

– У тебя есть уже невеста, вот и женишься на ней. А Настя все поймет и уволится от греха подальше, получив от меня отличную компенсацию, которая тебе никогда не приснится даже в лучшем сне в твоей жалкой жизни.

Нет. У них своя война. Об отношениях Оли с его отцом Ники ничего не знает.

– Убери свою компенсацию, знаешь, куда? Вот туда ее себе и засунь.

– Ник, ты не знаешь свою бабу. Любви иногда недостаточно для счастья.

– Я сам разберусь со своими бабами. Без тебя, – Ники повел меня к спуску сцены.

Но вдруг нас остановил голос Валерия:

– И с Менакером без меня разберешься?

Эта фамилия почему-то заставило Никиту напрячься. В его глазах я уловила сильную ненависть к отцу. Видимо, эти слова его весьма задели.

– Не твоего ума дело.

– Ты женишься на Алисе.

Никита не ответил, а повел меня к выходу. И, заметив, что мы выходим из зала, я спросила:

– Мы уходим со дня рождения?

– Да.

– Можно я поеду домой? – тихо поинтересовалась я.

– Куда-куда? Разве у тебя есть еще какой-то дом, кроме домика твоего папика?

Опять сарказм? Интересно, кто такой папик? Еще один любовник Оли, про которого знает ее жених, поэтому злится?

– Прошу... – взмолилась я, остановившись на крыльце клуба. – Я ничего не знаю про папиков и про тебя, – он заинтересованно посмотрел на меня. И я поняла, что правильно делаю, что именно сейчас ему рассказываю все. – Я ничего не помню.

Но по взгляду поняла, что Никита не верит ни одному моему слову.

– Но в любви ко мне призналась моему отцу! Замуж-то за наследника состояния Красовских, ой, как хочется!

Красовских? Он же вроде Ветров, разве нет?

– Мне ничего не надо, честно! – тут я ему не врала, ведь мне хотелось побыстрее вернуться домой.

– Но моего отца решила убедить в своей горячей любви ко мне! Кому ты врешь, Настя? Я тебя насквозь вижу, как облупленную! – снова его цепкая рука до боли сжала мою руку, и он быстрым шагом потащил меня к своему «Лендрроверу».

– Пожалуйста! – я не хотела в машину садиться, чтобы ехать неизвестно куда. – Я после аварии ничего не помню! Я хочу домой...

– В машину! – скомандовал красавчик, и от его железного тона у меня пробежались мурашки. Я послушно села. Он захлопнул дверь, а когда сам сел за руль, то сказал: – Сейчас ты и поедешь к себе домой. Думала, я оставлю тебя после этого? Нет! И своими баснями ты не избежишь наказания.

– Какого наказания?

От его тона уже кровь у меня стыла в жилах. Что он собирается со мной делать?

– Какого заслуживаешь. Посажу в тюрьму всю твою преступную шайку. У тебя нет выбора. Или ты мне всех сдашь, или сама за всех сядешь.

– Что? – я смотрела на него.

Но Никита даже не взглянул в мою сторону, и его лицо было очень серьезным.

– Я на тебе не женюсь. Надеюсь, ты понимаешь это? – я уловила его короткий взгляд, похоже, он не шутил. И это к

лучшему. Уж замуж даже от имени сестры я за него не пошла бы... Мне надоели эти все фиктивные браки. – Просто теперь ты будешь жить в нашем доме до тех пор, пока я все свое имущество не получу обратно.

– Какое имущество?– вслух я произнесла свои опасения.

Оля обокрала его? Нет... Этого не может быть! Оля никогда не была воровкой!

– Деньги, драгоценности, а самое главное – нашу родовую коллекцию украшений.

Боже! Нет... Это не Оля! Здесь что-то не так!

– Я не брала, – заявила я. – Я не могла этого сделать.

Наверное, мои слова прозвучали искренне и уверенно, потому что Ветров с интересом посмотрел на меня.

– А как же кольцо? Как оно оказалось на твоей руке?

– Ты надел? – предположила я.

Не Оля же его стащила!

– Я?! – засмеялся он. – С какой стати?! За пару горячих ночей, что ли?!

Все-таки она с ним спала...

– Я не тот человек, который женится на собственных помощниках, соблазняющих начальство и провоцирующих на постоянные интимные отношения. Мы же договорились, что между нами всего лишь секс. А колечко чудесным образом оказалось у тебя, и ты соврала моей бабушке, что это я тебе его подарил. Зачем? Зная моральные устои в нашей семье, ты захотела насильно женить меня на себе?

Разве? Непохоже, чтобы Оля хотела за него замуж, ведь она сбежала! Получается, моя сестра его обокрала!

В моей душе появилось столько эмоций. Мне даже стало жалко этого парня. И в то же время я не верила, что моя сестра – воровка и мошенница! Здесь что-то не так...

Вдруг я поняла. Мне надо срочно связаться с Олей. И чем скорее, тем лучше. Она должна все объяснить!

Оставшийся путь мы проехали в полном молчании. От чего-то мне было неприятно думать, что у моей сестры были отношения с этим красавчиком. Она выставила себя перед ним развратной женщиной. И, судя по всему, Ветров относился к Оле иначе, пока не пропали бабушкины дорогие украшения. Столько горечи в его глазах, но он явно ее упрекает. А моя задача убедить его в том, что моя сестра ни в чем не виновата.

Но как я могу что-то изменить, если Оля натворила делов и сбежала? А если это сделала не она, то наверняка догадывается кто? Ведь Оля жила в их доме и знает его членов семьи.

Голова раскалывалась от нахлынувших мыслей. Я не верила, что сестра – воровка. Но не могла понять, почему на ней было это кольцо, и зачем она меня подставила?

Дом, в котором жил Никита Ветров, мне показался огромным. Два этажа, декоративные ели, клумбы, газон... Он чем-то напоминал английский особняк, которые часто показывали в детективных сериалах про мисс Марпл, только не такой

мрачный, как там.

Ещё в клубе я не думала, что эта семья так богата. Хотя за то время, пока работала у Регины, я научилась отличать по украшениям очень состоятельных клиентов. С ним так не получилось. На Никите не было ни колец, ни часов, а на его ботинки я что-то не посмотрела. Лишь туалетная вода... Я в жизни таких ароматов не слышала!

В доме все кричало о роскоши. Я даже чувствовала неловкость, проходя по блестящему кафелю. В помещении явно сквозило холодом. Все казалось огромным, чужим и недосягаемым. Невольно я задалась вопросом: «А разве здесь можно жить? Здесь словно в музее. Трогать ничего нельзя, и предметы такие стоят, которые в обычной жизни вообще не нужны».

Через прихожую Никита вошёл в гостиную, которая также больше походила на покои дворца, но уже более жилые. В ней как раз нас остановил голос темноволосого молодого человека. Глядя на незнакомца, меня не покидало странное чувство, что я его где-то видела. Круглое вредное лицо, безгливый, высокомерный взгляд, узкие губы.

– Ничего себе! – удивился он, уставившись на меня. – Ты и впрямь ее нашел! – парень поднялся и подошёл ко мне, ехидно улыбаясь. – Настейша, – назвал он меня странным именем. – Какая ты упрямая озорница! Как ты могла бросить... все, что тебе дорого? У тебя же здесь... обязанности.

– Ее обязанности тебя не касаются, – подметил Никита.

– Да ты без нее, как без рук! Даже отчет в налоговую не можешь подготовить! – рассмеялся парень.

– И это тоже не твоя зона ответственности. Займись лучше собой. Или за своей женой присмотри.

– Ха-ха-ха! Очень смешно!

Никита повел меня к другим дверям. Почему-то меня гложит странное предчувствие, будто тот парень мне на что-то намекал... Неужели и с ним Оля была чем-то связана?

Мы оказались в другом холле, где находилась большая лестница. Увидев ее, я ещё подумала: «Как в Кремле. Аж ступить страшно». Там нас встретила молоденькая горничная.

– Настейша! – обрадовалась она, будто я ее любимая родня.

– Анастасия, – ответил Никита. – Сколько раз тебя поправлять? Здесь она – Настя!

Так я Настейша или Настя? Надо на документы взглянуть.

– Хорошо, Никита Валерьевич! – отчеканила девушка, вообще не боясь его железного голоса. – Вам как обычно или позже?

Интересно, про что она?

– Принеси сейчас, – сказал Ветров. – Я буду в своей комнате. Скоро к тебе приду, – обратился он ко мне и бегом помчался вверх по лестнице.

– Куда это он?

– У него дыхательная гимнастика с медитацией.

– Что?! – рассмеялась я.

Уж чего-чего, но этого я от него не ожидала. Такой весь подтянутый, гордый, брутальный занимается не боксом, а медитацией! Как сказала бы Оля: «Женской фигнёй».

– Ему психолог посоветовала. Когда вы пропали, он с катушек слетел. Со всеми передрался и перессорился. Теперь каждый день у него дыхательная гимнастика, затем клетчатка с витаминными добавками для укрепления нервной системы, – затем она украдкой посмотрела наверх и тихо спросила: – Настейша, а вы уже выбрали кто будет из них?

– Что? – не поняла я.

Тут дверь наверху скрипнула, и служанка спохватилась:

– Ой, мне пора ему нести витамины! Ладно, вечером поболтаем, – весело добавила она.

«Кто из них»? Она про что говорила? Разве Оля выбирала себе парня, но, так и не выбрав, решила уехать? Тогда зачем ей нужны были отношения с Никитой, если она ещё не выбрала, кто из них ей нравится? Нет, слишком много вопросов!

Заметив, что рядом никого нет, я залезла в сумочку и достала документы. Единственный загранпаспорт и то был на гражданку Америки Настейшу Крон. На фотографии в паспорте красовалась Оля, но почему-то там она была брюнеткой... Как к ней попал паспорт с чужим именем? Может, это паспорт той похороненной вместо Оли девушки?

В сумке я нашла мобильник и по памяти позвонила на

свой номер. Трубку брать Оля явно не хотела, поэтому мне пришлось звонить до посинения. Наконец я услышала:

– Да! Что тебе?! – прозвучало очень нервно.

Интересно, почему?

– Оля, тебе надо со мной объясниться. Почему Ветров меня называет Настей и воровкой? Он твой парень? Ты хотела за него замуж?

Мне кажется, или я совсем не то у неё спрашиваю?

– Так, давай по порядку? У Ветрова большой комплекс из-за бабушки. Был бы у него кот, то он его тоже назвал бы Настей. Я у него ничего не брала. И не звони мне больше! Мы же договорились!

– Как у тебя оказалось кольцо?

– Просто померила я! А снять не смогла, а тут старуха неожиданно появилась. Пришлось соврать

Как все правдоподобно звучало!

– Что тебя связывает с отцом Никиты?

– Ну всё! Может, ты меня сейчас морали станешь учить? Ты ничего не помнишь. Так что выкручивайся сама!

Я была почти уверена, что она сбросила вызов. Но точно узнать мне не удалось, так как трубку вырвал из моих рук Никита.

– С поддельником переговариваешься? Я вас внимательно слушаю, – сказал он в трубку, и сразу послышались гудки.

– Это была сестра.

– У тебя нет сестер, – сказал Ник.

– Одна есть. Двоюродная.

– И о ней ты помнишь? – ухмыльнулся он.

Нет, Ветров мне никогда не поверит. Придется мне тут жить вечно!

– Она приходила навестить меня в больницу и оставила мне свой номер телефона, – и для пущей убедительности я задрала нос.

Его долгий взгляд... Бесконечное молчание...

Затем Ник вернул мне мобильный телефон и сказал:

– Пойдем.

Завел он меня в кабинет. Маленький, но с большими окнами. И там не было ни одной лишней вещи... Кроме огромного медведя, точно такого же, как у нас с Олей в детстве. Мишка сидел на спинке дивана. Не удержавшись, я его взяла в руки и сказала:

– Мой большой-большой Мишка...

И услышала смешок:

– Врушка! А я тебе почти поверил! Хочешь выйти из игры невинной! Настя, я отлично знаю таких, как ты! А тебя я вдоль и поперек изучил! Где украшения?

Бросив медведя на диван, я попятилась назад.

– Я не знаю...

– Ну, сейчас-то не играй, – его безумная улыбка мне напомнила маньяка. – Давай ты мне сейчас в порыве страсти все расскажешь?

– Нет! Я... правда, ничего не знаю!

После того, как я поняла, что у него что-то было с моей сестрой, то даже представить себя с ним не могла! Мне хватило влюбленного в Олю собственного мужа. Но Никита вообще моего состояния не замечал.

– Перестань из себя ангелочка строить. Мы хорошо знаем твоего демона внутри. Ты же тоже этого хочешь... – он меня к себе с силой прижал и впился в меня губами. – Я тебя разговариваю, Настя...

Такие безумно страстные поцелуи я никогда в жизни ни от кого не получала... Да и что было-то в моей жизни? Два одноклассника, один из которых стал моим первым мужчиной и мужем...

Я только сейчас поняла, что мой муж точно не умел целоваться. Потому что Никита это делал так искусно, что я боялась потерять голову и понимала, что сейчас сдамся. А это нечестно по отношению к нему.

– Нет... нет... остановись...

Это я сказала мысленно или вслух?

Но Ветров уже успел снять свой кардиган, а моя куртка валялась на полу. Его руки давно блуждали под моим коротким платьем, я не видела, как это остановить. Ник мне нравился, и я ему верила... Я поверила, что он – жертва, только не поняла ещё чья именно?

Опомнилась я тогда, когда он повалил меня на диван и стал стягивать ботфорты.

– Пожалуйста, не надо... – взмолилась я.

И, да, в этот раз точно вслух.

Ветров вопросительно взглянул на меня. И я поняла, что он не остановится, даже если начнется апокалипсис...

Глава 4

ОЛЯ.

Даже в страшном сне я не могла себе представить, что мне придется вернуться в Россию.

Наверное, этими словами можно было обозначить всю мою боль по этому поводу. Я не хотела воскреснуть, не хотела, чтобы меня связывало что-то с прошлым...

Но, к моему ужасу, обстоятельства вынудили меня вернуться и работать с Брайеном, который в на раз назвался лордом Штильманом. Он «взял меня в аренду», чтобы я помогла ему осуществить коварный план. Моя задача – очаровать Валерия Ветрова и уговорить пойти на незаконную сделку, которая помогла бы подставной компании Штильмана выиграть государственный гранд. После этого Брайен слился бы, забрав все деньги, а отвечать остался бы Валерий Ветров. Но это было еще не все...

Меня «сдали в аренду» ему не просто так. Я должна была привезти эту злосчастную семейную коллекцию украшений семьи Красовских. Иначе все пропало. Это будет конец.

И я достала ее. Оставалось за малым. Замести следы. Чтобы у них даже мысли не возникло, что это сделала я. В итоге я сделала копию кольца и послала с ним свою сестру. Лучше нее никто не сыграет ангела. А Брайен, поняв, что Настей-

ша потеряла свои навыки, наконец-то отлипнет. Потом сестра приедет в Италию, и все встанет на свои места. Каждый получит своё.

План идеальный. Главное, убедить Настю, что я тут жертва, а не мошенница. Только меня омрачала слезка. Я постоянно видела за собой накаченного парня с множеством наколок. Однажды даже столкнулась с ним лицом к лицу. От него пахло американскими сигарами. Их я ни с чем не перепутаю. В моей памяти сразу всплыли пытки, холодный подвал, мой побег, погоня и авария, в которой погибла Настейша...

Они знали обо мне всё, и сейчас я могу убить двух зайцев сразу: спрятаться за образом сестры, а она заметет за мной следы. Я улечу, сменив внешность, и доведу груз. Тогда все будет хорошо. ОН будет доволен...

Играть сестру мне невпервой. В детстве это было интересно. Мама всегда нас путала. Только папу мы никогда не могли обмануть. Как юрист, он был очень внимательным и считывал лица, движения...

Когда я заявила, что хочу быть юристом и учиться в Гарварде, то он так обрадовался. В мечтах папы я должна была занять его место и помочь нашей фирме выйти на новый уровень предоставления услуг.

Мне оплатили учебу. Я училась хорошо. Получила диплом, несмотря на все мои аферы... А потом... Я умерла. Умерла, чтобы снова жить.

Ее джинсы сильно давили на живот. А у меня ведь ещё не зажили синяки. Я могу своим боксерской грушей поклясться, что сестра так и осталась сладкоежкой. Но до сих пор не могу понять, как ей удается не поправляться? Ещё в юности я отказалась от сладостей, стала есть только здоровую пищу и много заниматься спортом. А выходит, что я толще нее! Даже мой пресс больше ее хилого живота!

Естественно, жить в одном помещении с ее «радужным» Аликом я не собиралась. И, конечно же, я была намерена его выставить из квартиры по любой причине. Допустим, я расстроена и хочу побыть одна. Такое может быть? Вполне.

Круглосуточно играть белую овечку неизвестно перед кем, я не имела желаний. Наилучший вариант – лишить всех ее друзей, а затем уехать навсегда.

И, конечно же, спасти то, что давно утонуло (это про фирму), я не видела смысла. Пусть Настя смирится с неизбежным и живёт себе дальше.

Но как только я вошла за порог, то в нос вдарил аромат домашней пищи. Картошка, томленная в духовке на сметане с укропчиком и грибами. Так поздно я давно не ем. А запах свежей зелени и огурцов просто сводил с ума. Я почувствовала себя голодным оборотнем и готова была убить этого мерзавца, который все это чудо наготовил на ночь глядя!

Дверь за мной захлопнулась, и у порога появился длинный, костлявый парень, которого, наверное, специально не

докармливали, чтобы он влезал в детские женские джинсы. Лицо у него было такое девчачье, что мне сразу вспомнились мультфильмы аниме. Там как раз все парни так выглядят. А одет он был, словно его наряжали стилисты японской музыкальной группы. Это не парень, а какая-то наклейка для дневника семилетней девочки. На художника вообще он не похож. Скорее на какого-то попсового ненатурала.

– Настя, ну, я уже заждался! Смотри, как наш Басик по тебе скучал! – проскулил парень, поглаживая кота, который был одет в голубой комбинезон.

Кот! В доме кот! Я застыла, не сводя глаз на лохматое чудовище, которое, увидев меня, фыркнуло и выпрыгнуло из рук долговязого парня.

– Басик, Бася, что с тобой, мое линяющее чудо?! Ах, он никогда не простит меня за то, что я надел на его идеальную шёрстку совсем не фирменный костюмчик, – запричитал Алик. – Кстати, как тебе он? Тебе понравился сюрприз? Видишь, как Алик умеет решать проблемы с шерстью? Теперь наша милая тварюга не будет разбрасывать свои волосы на брюки великого художника!

Господи, да что ему ответить? Похоже, он спятил, раз думает, что кот перестанет линять. Оля, Оля, думай! Что сказала бы Настя?

– Вы такие милые...

– Что?

И тут я чихнула. Видимо, не то сказала. Конечно, сестра

переживает за фирму отца!

– Фирму продают. А твой отец не помог... – и снова я чихнула.

Все, надо срочно выпить лекарство от аллергии.

– Постой, – вдруг Алик сделал шаг назад, рассматривая меня. – С тобой что-то не так...

Неужели он и правда всё поймет? Черт! Сейчас нельзя! И я снова чихнула.

– Боженьки, точно! Какой же Алик эгоист! Да ты заболела! А я смотрю, у тебя что-то с лицом не то...

Алик ушел на кухню, а я вздохнула с облегчением. Похоже, аллергия мне пришлась на руку. Конечно, он же художник и все замечает! Надо быть осторожнее.

Я медленно разделась и быстро заказала нос, и прошла на кухню. Алик стоял у плиты и уже наливал в чашку горячее молоко.

– Срочно съешь ложку мёда и запей молоком.

На ночь мёд? Да ещё с молоком? Он меня убить хочет?

Желудок издал голодный рык. Очень вкусно пахло свежим салатом, который стоял прямо передо мной. Я только взяла в руки чашку и сразу услышала визг.

– Настя! Это что за ужас?! Я не могу поверить, что такой кошмар сделала ты?!

Я тупо смотрела на истерику друга сестры и поражалась, как можно этого чудика терпеть рядом с собой?! У него голос раздражающий, как у противного, мерзкого чихуахуа. И эти

ресницы... Не удивлюсь, если он их наращивает.

Но я старалась изо всех сил, монашками клянусь, и мило улыбнулась.

– Я тебя не понимаю... – пролепетала просто на пятерку!

– Это просто моветон! Это фу! Мерзко!

– Ты про что? – вообще не врубалась я.

– Нет! Ты хотела сделать мне больно? Ты хотела убить Алика и уничтожить его?! Ты это сделала! Нет, это не могла сделать моя Настя!

Легче его пристрелить, чем слушать его девчачьи сопли с истерикой. Может, помочь ему повеситься?

– Я тебя не понимаю...

– Это я тебя не понимаю?! Как ты могла снять мой замечательный маникюр и сделать это?! – взвизгнул Алик.

Ну, твою ж налево! Кто бы мог подумать, что Алик такой глазастый?!

– Как ты могла?! – он что, всегда у нее так вопит? – Это же чудовищно!

Я взглянула на свои вишневые ноготки. По мне, идеально сделанные. Вот он вообще неправ.

– Ты посмотри... – Алик склонился на до мной и взял мою руку, хотя я терпеть не могу, когда меня трогают! – Что они сделали с твоей замечательной формой?!

Вообще не помню, что там было у сестры. Алик опустил мою руку и схватился за голову:

– Это надо было так поизмываться над моим шедевром?!

Как мне хотелось его ударить, чтобы мигом привести в чувство! Но, вовремя вспомнив сестру, я быстро сообразила.

– Это стресс... Алик, – я прочистила горло, чтобы голос был тоньше, и жалостливо продолжила: – Я неспециально...

– Да ты убила моих три часа! Ты ж мне сюда, – схватился он за свою новую футболку. – Прямо тут нагадила! За что?!

Я растерянно смотрела на залитые слезами глаза парня... И не верила... Он что, серьезно? Из-за какого-то маникюра сейчас разрешится передо мной? Как мне хотелось рахохотаться, но, закашлявшись, я опять вялым голосом проскулила:

– Алик... – черт! Что ему сказать? Сестра моя – всегда жертва, вечно виноватая. Ага! – Алик... Ну, прости... Это все нервы.

– Нервы? Это у меня из-за тебя одни нервы! И с котом разберись, и заказы выполняй, и мебель отследи, и поешь приготовь, и фирму бабки сохрани! А Алик всего один! Алик рвется, попку надрывает! А ты ему такие гадости плюешь прямо в сердце!

Твою дивизию! Разревелся!

Вот и что мне теперь с ним делать?! Носовой платочек дать? Умыть?

– Мой маникюр! Настя!..

Он сорвался и убежал в комнату, а я сидела, глядела на тарелку с салатом и дико хотела жрать. Но понимала, что Настя побежала бы за ним следом. Тихо выругавшись, я во-

шла в светлую спальню. Там все стало совсем иначе. Раньше в этой квартире папа отдыхал от скандалов с мамой. Тогда эта комната была пустой. Кожаный диван, старый шкаф, маленький телик, который стоял на полу, и «груша». Благодаря папе я полюбила бокс. Интересно, где сейчас она?

Алик даже не взглянул в мою сторону. Он натянул на лицо капюшон и притворился мертвым. А я, как дура, смотрела на этого гея и думала, ну, что ему сказать?!

Так, соберись, Оля!

– Ал, – даже не дышит! – Я, правда, виновата... Сглупила....

Ура! Он снял капюшон. Но что за взгляд?!

– Ты не сглупила, ты меня убила! Уничтожила! – почти провизжал парень и метнулся в ванну!

Ну, прямо мамочка моя!

– Эй... – сказала я, вспоминая его имя. Ну, как там тебя? – Алик!

Неохотно я поплелась за ним. Да неужели моя сестра его терпит, что аж домой к себе пустила?! Как можно вообще с ним жить?! Что за мода такая дружить с меньшинствами? От них одни проблемы! Ведёт себя, как ребенок!

Как же дико я злилась! Но все же подошла к двери и, успокоившись, неуверенно постучалась:

– Ал... Моя жизнь сейчас рушится, и я хотела что-то изменить...

– Помолчи, Настя! – плакал он, да так жалостливо, что

мне казалось, что я не поменяла себе маникюр, а убила его любимую собачку! Причем на его глазах!

Господи, драма из-за маникюра! Поверить не могу, что я с ним тут нянчусь! В унитаз его личико окунуть бы, чтобы очухался!

– Алик, ну, прости...

– Лучше бы ты диван на кухне поменяла! На нем спать невозможно! А ты Алика решила уничтожить!

Блин, да он рыдает! Из-за фигни!

– Милый, ногти отрастут... – черт! Настя так не сказала бы! Ударила себя я по губам и исправилась: – Я на это понадеялась, что ты все поймёшь... Мне очень плохо... И я поступила плохо...

– Ты мой ночной кошмар! Я не мог себе представить, что ты так сделаешь!

Да боже ты мой! Что?! Маникюр себе поменяю?!

– Я так старался сделать тебя самой крутой из элиты... – хныкал он. – Я думал, ты меня хоть в чем-то ценишь.

– Ценю, Алик, ты самый лучший... – во! Поперла сестрёнка! – Ну, давай выходи.

– Не увидишь ты Алика! Я завтра же съеду!

Ничего себе! Какое счастье! Я от тебя отделаюсь? Спокойно заживу? Всё, молчу, молчу, и тебе не мешаю.

– Это не ты...

– Ты не моя Настя! – вот, честное слово, я от страха в пол

вросла! – Не с той я всю жизнь прожил!

Тьфу ты! У него всего лишь истерика!

– Алик... – вздохнула я, как сестра, и пошла от греха по-
дальше на кухню.

Пусть поплачет, а потом его домой провожу. Любовь про-
шла, завяли помидоры, все в жизни меняется, вали, нытик,
домой!

Придя на кухню, я снова устала на салат. И, конечно,
я не могла себе позволить его съесть. Я должна держать се-
бя в форме. Моя специфика жизни обязывает держать тело
в боевой готовности. Желудок всегда должен быть лёгким,
тело – пластичным, а удар – четким и тяжёлым.

Поэтому, взяв сигарету, я пошла курить на балкон. На-
до придумать, как быстро отделаться от близких знакомых
сестрёнки. Нельзя, чтобы кто-то заподозрил, что я жива.

Три дня я могу просто болеть. А там сообщу всем, что еду
с мамой на курорт, защищать ее от назойливых родственни-
ков. А сама уеду в Италию... Кстати, как там Настя? Зная
Ветрова, я уверена, что он ей поверит и все заранее простит.

Я курила долго и с наслаждением, практически заглушив
состояние голода. Потом постояла и проветрилась. Благо сиг-
гареты у меня дамские, лёгкие. Надеюсь, этот радужный не
имеет собачий нюх. Обычно у людей что-то одно очень силь-
но развито. Если у него отличная зрительная память, то, на-
деюсь, хотя бы с обонянием у него туго. Без курева я помру.
Хотя я могла из-за нервов закурить. Но нет, это будет слиш-

ком для тонкой психики Алика.

Проветрившись на открытой лоджии, я вернулась в помещение и услышала телефонный звонок. Номер я сразу же узнала. Звонила моя сестра, и чуйка меня не подвела. Сестрёнка усомнилась в моей честности и стала задавать вопросы. Никогда она не умела просто выполнять свою работу. Сто сорок «почему?» и двести «зачем?» любого свели бы с ума. Поэтому она до сих пор работает обслугой и не имеет нормального мужика, а ходит с тощим геем и считает, что ее жизнь наладилась.

Разумеется, я быстро от нее отделалась. Вряд ли она поверит во всю грязь, которая скопилась вокруг меня, и за пару дней точно ничего не поймет. А в том, что ей поверит Ветров, я не сомневалась. Никита туп в своей наивности и слаб перед всеми, кого зовут Настей. И... он одержим мной. Ее пару хныков, испуганных, округленных голубых глазок, и Ветров поплывет.

Я выдохнула, уставившись на тарелку с салатом. Живот издал жалостливый рык. Нет, мне здесь нельзя находиться. Я хотела было войти в комнату, но этот капризный дохляк взял и закрылся изнутри! Когда он успел проскочить мимо меня? Я же его выгнать собралась! Ну уж нет! Сегодня ты ночевать здесь не будешь!

Я постучалась и простонала:

– Алик... Алик...

Молчание.

– Ну, хватит уже, открой...

Как хорошо, что я поговорила с сестрой. Прямо копия!

Но его это не взяло.

– Ну, Ал...

Опять молчит. Похоже, спать мне придется на этом неудобном кухонном диване.

Вернувшись на кухню, я только заметила одинокую подушку и плед. Ещё ночнушка висела на спинке дивана. Он, гад такой, меня из собственной комнаты выгнал!

Если бы я не боялась себя выдать, то ему так понадавала бы! Как я его терпеть не могу! Плакса!

От нервов мой желудок просто скрутило, я поняла, что просто не усну и куревом точно не отделаюсь.

Как же я ненавидела этого крашеного гея! За этот прекрасный ужин и вкуснейшую еду!

Да, я жрала как не в себя. Начала с салата, потом залезла в духовку и наложила печеной картошки с грибами и зеленью. Затем налила себе коньяку и закусывала оливками. Именно за таким поглощением застал меня Алик.

– На-астя, ты ли это?! Мамочка моя! Что вообще происходит?! Ты пьешь такую гадость?!

Черт! Она же такое не пьет!

– Я перенервничала...

– Ну нет! Нет! – схватился он за голову. – Я не узнаю тебя!

Что с твоим лицом?

А что с моим лицом? Видимо, мой взгляд оказался крас-

норечивым.

– Оно другое!

– А что с ним не так? – наверное, с моей стороны это прозвучало слишком грубо.

Я нажралась, меня застали за распитием алкоголя, которое не пьет Настя. Да еще выгнали из собственной комнаты! А теперь тычут в то, что у меня лицо не такое! Да нас родная мать не различала, если мы этого не хотели! Издевается, что ли? Так и хотелось на него рывкнуть: «Глаза протри! Такое же лицо, точь-в-точь!».

Пока меня разрывало от эмоций, Алик уставился на меня и, разглядывая, как картину, вдруг завопил:

– Ну, какой же я недогадливый! Настя! Да ты же плакала! Это ты из-за меня так?

Ну, конечно! Вот прямо рыдала, убиваясь, как ты недавно в ванной! Но, вовремя вспомнив свою сестру, я сделала ангельское личико и выдохнула:

– Алик... Мне так жаль... Я не знаю, что мне делать... – и на всякий случай закрыла лицо руками.

– Вот и опять что-то не так... – сказал Алик. – Такое ощущение, как будто ты наштырилась, вся опухла и сипишь, словно заядлый курильщик...

Вот тут я не на шутку напряглась. Как?! Как он это делает?!

– Горло немного... – подавилась я. – От нервов... Фирма... – хныкнула я, безуспешно пытаюсь выдавить хоть одну

слезу. – Твой папа отказал... – я упала на руки и притворилась, что плачу.

И как это удастся моей сестре? Ревет по всяким пустякам!

К моему счастью, Алик, как настоящий гей с тонкой натурой, принял мое признание близко к сердцу и, присев рядом, обнял меня:

– Ну, зачем сразу в крайности лезть?! Ты бы еще наголо побрилась и наколку на все лицо сделала! Алик вчера так старался, ухаживал за твоим лицом... А оно опять...

Он попытался поднять мое лицо, но я-то знала, что ему его рассматривать категорически нельзя! На нем шрамы! Поэтому, я сделала, что чертовски ненавижу, – его обняла! Ну и для правдоподобности пошмыгала носом.

– Ну, зачем ты так поступила со своим старым добрым другом Аликом? – продолжал парень. – Я понимаю, но не мои же труды коту под хвост! Ах, Басик, я не про тебя, мой любимый пушистик. Хотя ты тоже еще тот проказник!

Господи, он меня собирается отпускать? Или они всегда так в обнимку часами милуются?

Я еще раз шмыгнула носом и попыталась вырваться, но меня держали мертвой хваткой.

– Ну, ну, ну... – погладил он меня по спине. – Больше так не делай... Я же все решил! Нет бы Алику позвонить! А ты такая неблагодарная!

– Алик... Можно я останусь одна... – умирающе проскулила я.

– Чтобы напиться? Давай уж я за тобой пригляжу. Ты закусывай. И лучше салом... – наконец-то он меня отпустил и поплелся к холодильнику.

Я только сейчас заметила, что он в интересной клетчатой пижамке. Прямо как десятилетка! И снова я задалась вопросом: как вообще с ним можно дружить? Какие проблемы он может решать? В какой цвет ногти покрасить?

Так, Оля, соберись. Тебе надо его отшить.

В это время Алик поставил передо мной банку с тертым салом с чесноком и какими-то специями.

– Мажь на хлеб, – настаивал он. – Напивайся, но заедай. А то завтра, ой, как тебе плохо будет!

Ну уж нет! Сало, да еще и с хлебом? Я сделала умирающее лицо и очень надеялась заплакать.

– Алик... Я не буду пить... Пойми меня правильно. Сейчас мне нужно уединение... Мог бы ты меня оставить... Я хочу побыть одна.

– Бедняжка... – потрогал он мой лоб. – Как у тебя опухли глазки...

– Алик, – я взяла его за руку.

Сестра часто искала тактильный контакт. И это сработало, но не так, как я надеялась.

– Ну, хорошо. Я ухожу в комнату.

– В комнату? – переспросила я. – Алик, я хочу вообще...

– Ты! Ты меня обидела! Ты меня ранила до глубины души!

А Алик не пьет, чтобы излечиться. Алик будет спать на нор-

мальном диване. Вот! – показал он пальцем вверх и вышел.
– Что?! – уже выкрикнула я, обалдев от его неслыханной наглости.

Мне что его за шкурку в окно выбросить?! Алик снова открыл дверь и добавил:

– Ну, твою проблему я решу. Поговорим на трезвую голову, – да я трезва! Меня не спойть пару бокалами. – Как видишь, я очень добрый и отходчивый, – и снова закрылся в комнате.

Одуреть! Я дважды не смогла его выкинуть из собственной квартиры! Нет, с ним надо что-то делать и придумать план.

И пока я убиралась на кухне, в голову пришло только одно. Сказать ему, что мой муж вернулся, и ему теперь тут не место. Ведь сестра очень любила Родиона? Не думаю, что за это время что-то поменялось. Вот и скажу ему, что я мечтала и ждала... А этот чудик чувствительный порыдает под мою сказочку и свалит. Геи все такие романтики, похлеще баб.

Приняв такое решение, я улеглась на ужасно жесткий диван и к утру все же уснула. Проснувшись я от этого жутко неприятного голоса. Именно тогда подумала, что бог существует, и я уже попала в ад. Ну как можно нормально воспринимать такое утреннее приветствие?

– Душечка моя, уже солнышко проснулось! Мы с Басиком почистили зубки, расчесались и новый костюм примерили! Ты посмотри, какой он теперь прелестный. Ты моя ягодка, –

далее последовали чмоки этого «радужного» парня. – Просто красавчик! Но Алик лучше! Алик красивее Дани Милохина.

Моей первой мыслью было выстрелить ему в голову, чтобы он заткнулся. Мои глаза совсем не хотели открываться, и я впервые никак не могла проснуться, поэтому прохрипела:

– Рада за вас. А я спать...

– Настенька, ну, я же предупреждал, не напивайся и закусывай! Почему ты не слушала Алика? – он сел на край дивана и стал меня поднимать. – Что бы ты без меня делала? Вот кто бы тебя на работу поднимал? Вставай-ай!

Я неохотно села, думая, что ему сказать, но тут меня напугал его дикий визг.

– Что? – блин, пробасила...

– Твое лицо... Твое лицо... Мамочка моя! – отбежал он от меня и подошел к окну, чтобы отдышаться. Тут я напугалась, думая, что он разглядел мои шрамы. И я уже в уме сочиняла новую байку, пока Алик нервно носился по кухне, причитая: – Какой кошмар! Боже мой! Это ужас...

Не выдержав, я полезла в сумочку, достала зеркало и сама чуть не свалилась.

Мое лицо отекло! Там, где обычно у меня находились большие голубые глаза, на меня смотрели азиатские щелки!..

Глава 5

НАСТЯ

Он был похож на дурман. Золотистые радужки глаз, его дыхание, горячие поцелуи... Могла ли я им противиться?

Наверное, могла, но в какой-то миг не захотела. А ведь знала его всего несколько часов.

Всегда считала себя серьезной, и про меня подруги говорили, что я чересчур правильная... Всего одна встреча изменила меня до неузнаваемости.

Я отдавалась человеку, которого совсем не знала. Я целовала парня, который считал меня мошенницей.

И, по горькой правде, ведь я ею и была. Я ему представилась той, кем не являлась на самом деле. Когда я это сообразила, то хотела отступить и вырваться. Но...

Под его страстным напором я отчётливо понимала, что он не даст мне это сделать и просто возьмет меня силой.

Лишь редкое мое «стой» прорывалось между страстными поцелуями, но и оно оставалось неслышанным им.

Одновременно я его и боялась, и хотела. Безумие и страсть слились в единое целое. И я не знала: отдаюсь ему, или он просто берет своё. Я не понимала, судила себя за трусость и стыдилась своего нового чувства вместе с возникшей страстью.

Когда все закончилось, Ветров крепко обнял меня, и эта тишина давила. Я тупо смотрела в потолок и думала: «Почему, почему я это допустила? Я же не хочу отношений и тем более таких...».

– Ну, ладно, не злись, – как его голос помягчел! – Возьми сигарету.

Сигарету? Оля курит?!

– Я... – я быстро соображала, как ему соврать. Если сейчас закурю, то он сразу поймет, что я не та Настя. – Это... То есть мне нельзя теперь курить.

– Тебе и тогда нельзя было курить. Ты же женщина, будущая мать.

– После аварии, – на ходу вспоминала я. – Врач запретил.

– Насть, что с тобой? С каких это пор ты слушаешь, что тебе говорят местные врачи?

«Ой! – проскулила про себя я. – Я слишком расслабилась!».

– Я чуть не умерла, – я постаралась говорить грудным голосом, как сестра. – Это отрезвляет.

– И ты послушала Корнева? Хирурга без регалий, но никак не меня?

Я замерла, сообразив: «Он что, врач?!».

– Я же говорю, что ничего не помню, – опять тихо, но грубым голосом ответила я. – У меня сотрясение. Голова сильно болит. Я теперь не курю.

– А это мы сейчас проверим, – не поверил Ник и, подняв-

шись, стал одеваться. – Ты меня на понт не возмёшь. Строишь недотрогу, прямо девственницу.

И он залез в мою сумочку. Мое сердце сжалось в маленькое зёрнышко. Я гадала, что ещё не знаю о сестре. Но, к счастью, Ветров нашел лишь электронные сигареты. Видимо, Оля и впрямь пыталась бросить курить.

– Лови! Лгунишка, – кинул он мне сигарету. – А теперь рассказывай. Почему уехала? Думала, что меня убила?

Что? Я? В смысле Оля?!

– Нет, это... никогда...

– Ты меня сейчас сведешь с ума! – засмеялся Ник. – Я сейчас действительно тебе поверю. Ну, перестань уже... Не посажу я тебя. Только признайся, ради кого ты это сделала?

Я, как дурочка, смотрела в его миндальные глаза и влюблялась в него ещё больше. Я понимала, что Ветров Оле все простил и ещё простит не раз. Он был зол, потому что думал, что она его хотела убить, обокрала и бросила. А сейчас, вероятно, он видел в ней жертву, которую тоже предали.

– Я ничего не помню, – в этот раз мой голос был, как у Оли, потому что лн от волнения осип.

– Ничего?

– К сожалению.

Чтобы ему не смотреть в глаза, я решила надеть трусики и застегнуть платье. Ветров молча наблюдал за мной.

– Ничего не помнишь, а медведя помнишь?

– Он из детства, – пояснила я. – А детство я хорошо пом-

ню.

– Угу, – задумался Никита. – Тогда поживешь здесь, пока не вспомнишь все.

– Но я не могу, – возразила я.

– К подельнику собралась? – и снова этот безумный взгляд, полный упрека.

– Нет, – отрезала я, подбирая с пола колготки. – На лечение мне надо.

– На лечение? Ты останешься здесь.

– Но...

– Я тебя сам вылечу.

– Ты хирург?

Это прозвучало так по-детски, что Ветров усмехнулся.

– Настя, не переигрывай, – и поцеловал меня. – Иди спать.

Я смотрела на колготки в руках и решила запихнуть их в сумку. Сама же сунула ноги в ботфорты и быстро выбежала из кабинета, надеясь спокойно сбежать из дома.

Стыд, страх и непонимание того, что здесь происходит, сменяли друг друга ежесекундно. Меня разрывало от переизбытка эмоций. Хотелось реветь, но надо было бежать, пока не поздно. Пусть Оля сама все это разруливает. Пусть объяснится с Никитой, ведь он ее любит...

Только я рванула к выходу и прямо в дверях столкнулась с его братом. Он сразу поймал меня в свои объятия и горячо пробасил:

– Какое счастье, ты меня нашла. А я думал, что ты решила

меня кинуть.

Он дышал мне в шею, и от его слов по коже проносился мороз.

– Извини, мне надо идти, – я решила пропустить его слова мимо ушей и как-то обойти.

– Ты не сделала это.

– Мне некогда, – настаивала я.

– Тогда он узнает всю правду. Или ты согласна... – парень залез рукой под юбку. – Рабство... Я тебя продам.

Ударив его по руке, я только хотела ему что-то ответить. Но я понятия не имела, что ему говорить!

– Ты сделаешь это, иначе...

– Настейша! – голос служанки прозвенел, как спасательный круг. – Твоя комната готова! Иди за мной!

– Ты меня слышала, Настейша? Рабство или он... – брат Никиты многозначительно щёлкнул пальцами.

Разумеется, я почти бегом последовала за служанкой, а этот парень ушел в другое помещение. Следуя за своей горничной, я дивилась красоте покоев.

Когда она меня завела в светлую спальню, то сразу затараторила:

– Опять наш кобелина руки распустил!

Я на нее уставилась, думая, о ком это она: о Никите или о его брате? Неужели так заметно, что я сейчас без колготок?

Служанка задвигала шторы и продолжала:

– Мало ему девушек, ещё на вас позарился! Ему бы всех продать на Восток да мешки свои деньгами забить. Нет бы бизнес нормальный построить, как Никита Валерьевич, например... Ну, так кого вы выбрали?

– В смысле?

– Вы же за этим вернулись? Хотя, постойте, можно я угадаю? Николай! Чтобы он такой приставучий вас в покое оставил?! А Ники вас и так простит. Правильно?

У меня в голове получилась полная каша. Зачем Оле кого-то выбирать? Чтобы отстал? Чувствую, мне придется и ей эту байку рассказать.

– Знаешь, я ведь в аварию попала...

– Да кто этого не знает?! Никита Валерьевич так радовался, что вас нашел...

– Я потеряла память и ничего не помню. Даже твоего имени, – заверила я и гордо подняла носик.

– А я-то думаю, что вы такая не своя! Ну, конечно же! Настейша, я ваша поклонница, то есть Егора Крида. Но вы ведь с ним сфотографировались. И я узнала вас.

А вот это правда. Это я с Егором Кридом фотографировалась после одного концерта. Но не знала, что он тоже делал съёмку и выложил фотографию в соцсети.

– Я так обрадовалась, что знакома с его друзьями! – мечтательно верещала она.

– А вот я до сих пор не вспомню, как тебя зовут.

– Аллочка я, – девушка сделала реверанс. – С тех пор как

вы у нас находитесь, я стала вашей личной помощницей. И всегда готова прикрыть. Вы же на свидание сейчас собирались?

– С кем? – неужели у Оли ещё кто-то был?!

– Ну как, с кем? С вашим личным тренером. Какой он ревнивый душка!

Горло мое вмиг запершило, и я закашлялась.

– Так я ещё и тренируюсь?

– Вы обожаете бокс.

От ужаса я села на кровать. Я терпеть не могу спорт. Зачем он мне? Я и так стройная. А тем более бокс! Этим спортом обычно мужчины занимаются. Папа любил бокс...

– А Мурат – славный парень. – Вы сами его зайкой называете.

– А как же Никита?

– Он ваш начальник. Большой ревнивец и собственник. Как вы говорили, Никита Валерьевич может вам дать все, в отличие от его женатого брата, который всех женщин отдает на Восток. Ники – ваше спасение. Поэтому разумно сказать, его брату, что ваш ребенок от него.

– Что?! – подпрыгнула я.

– Ну да. Вы же не потеряли ребенка?

Я стояла и хлопала глазами, соображая, Оля действительно беременна или это очередной блеф?

– А кто настоящий отец ребенка я вам говорила?

– Нет, этого я не знаю, – улыбнулась Аллочка. – У вас же

много мужчин. И все они вас любят. Вот бы меня так любили!

– Много мужчин – это сколько?

– Ну, здесь – все Ветровы, Николай Вершинин, Мурат, водитель. Я как-то раз вас застала и спасла. Это те, кого я знаю. А ещё вы кому-то всегда звоните...

– Вот как... – я стояла в шоке. – А я думала, что являюсь приличной девушкой. Нас же мама так воспитала.

Аллочка тихо захихикала:

– Вы крутая! Такая, какой я хочу быть, когда помогу вам разбогатеть. Вы же помните о моей доле?

Вдруг в кармане служанки запищала рация, и она сказала:

– Если вам к Мурату, то я вам чуть позже свистну, как Ветров уснет. А сейчас мне к нему надо.

И Аллочка выбежала. А я затряслась от услышанного. Николай торгует живым товаром?! Это правда? И все это знают?! И Никита?

Боже! Куда я попала? Что здесь делала Оля? Зачем она со всеми шашни крутила?

Я быстро набрала свой номер, но он был недоступен.

Достав свои колготки из сумки, я мигом их натянула. Затем поправив макияж, выскользнула из комнаты. Дорогу к выходу я запомнила по украшениям интерьера. Но снова увидела в помещении Николая и спряталась за стеной.

– Я всё сделаю. Мой человек нашелся и уже в работе. Да. Скоро, обещаю, все скоро случится! – Вершинин отключил-

ся и сел прямо напротив двери распивать алкоголь. И я поняла, что сегодня мне точно не сбежать.

Вдруг меня резко кто-то обнял и, оторвав от пола, прошептал:

– Настена! – чей-то нос уткнулся в мою шею. – Ты поменяла духи?

Внутри меня аж затрясло от злости на сестру.

Ещё один! Ещё один любовник!

– Сестренка... – кто-то ко мне прижался всем телом, зажав в своих объятиях.

Сестренка? Неужели сестра еще обзавелась фиктивным братом? Или он это так шутит?

Еле вырвавшись из незнакомых крепких рук, я обернулась и обомлела. Передо мной стоял высокий худенький парень, скорее всего, старшеклассник, еврейской внешности, с кудрявыми черными волосами до плеч и улыбался во все тридцать два зуба.

– За братом шпионишь? – прошептал мальчишка мне в ухо. Я открыла рот, чтобы ему ответить, но он сам меня перебил: – Не бойсь, не скажу, – и подмигнул мне.

А я же размышляла. Так и этот парень – брат Никиты? Он тоже Ветров, с которым спала моя сестра? И в уме я прикидывала, какой может быть срок за соращение несовершеннолетнего...

– Ну что ты, как чужая? – засмеялся мальчишка, хлопнув меня по пятой точке.

Сделав пару шагов назад, я прошептала:

– Я тебя не помню...

– Че?.. – залыбился он, хлопая круглыми черными глазами. – Иди-ка сюда... – дернул он меня за руку, потащив в незнакомую мне комнату.

Пришлось последовать за ним. Уж лучше он, чем его братец Николай, который, как я поняла, не Ветров, а Вершинин.

Мы очутились, по всей видимости, в большой библиотеке. Закрыв за мной дверь, парень предложил мне сесть на кресло, а сам уселся на столе напротив и, все также улыбаясь, поинтересовался:

– Ты и правда меня не помнишь?

– Нет.

– И как меня зовут тоже не помнишь?

– Нет.

– А Ника помнишь?

– Нет.

– А что ты помнишь? – и мальчишка прищурился так же, как Никита, что сразу стало понятно: он не верит мне.

Я вздохнула и задрала подбородок, как сестра.

– Здесь я ничего не помню и никого не узнаю. Помню свое детство.

– Значит, что-то ты помнишь?

– Да. Но не этот дом и его жителей.

И опять это странное сочетание: шаловливая улыбочка и пилящий взгляд...

– Я говорю правду.

– Ну да... – пожал он плечами.

– Как тебя зовут? – спросила его я.

Ну, непохоже, чтобы Оля и с ним развлекалась!

– На букву «н». Нас всех мама назвала на одну букву.

– Назар?

Парень рассмеялся. Я ошиблась. Ну, нет больше имен на букву «н», кроме Никиты и Николая! По крайней мере, я нормальных имен больше не вспомнила.

– Нил? – это была последняя попытка.

Больше я русских имен не помнила. Мальчишка опять прыснул.

Я наобум сказала:

– Сдаюсь. Но не Набу же?

– Набу! – захохотал он. – Прикольно! Мне нравится! – и показал в две руки большие пальцы вверх. – Нестор. Ты меня называла Торо.

– Торо? – блин! Неужели?..

Мое сердце защемило, когда я представила, что моя сестра и с ним покувыркалась. Зачем?! Зачем?! Я не понимала вообще!

– Не знаю, как я тебя называла раньше. Но сейчас ты будешь просто Нестор, – отрезала я. – Ты же в курсе, что я – невеста твоего брата?

Нестор спрыгнул со стола и, хитро улыбаясь, ответил:

– Еще бы! Мне ли не знать, как вы сегодня развлекались

в кабинете?

– Не понимаю тебя... – я старалась держаться, как моя сестра, но лицо предательски покрылось краской.

– Платье помятое. А сережку у брата забыла? Да ладно, я никому не скажу. Хотя сегодня ты не такая активная, как раньше.

– У вас камеры? – догадалась я, проклиная себя за слабость.

– Конечно, камеры тут есть, но не в кабинете у Ника, – тут Нестор на меня внимательно посмотрел. – Ты краснеешь... Что с тобой, сестренка? А где твое коронное: «Иди дрочи в сторонке!»?

«Все же не спала Оля с ним», – выдохнула я.

– Я. Ничего. Не помню, – я поднялась, решив уйти в свою комнату.

Но мальчишка мне преградил дорогу:

– Насть, но если ты и Ника не помнила, то почему ты с ним... ? Почему не со мной?

– Может, потому что ты еще мелкий? – спросила я.

Эти слова его дико разозлили, и он просто набычился.

– Мне почти восемнадцать. И я тоже будущий врач.

Меня это так рассмешило, что я едва это сумела скрыть.

– Мне Ники, правда, нравится, – ответила откровенно я. – Даже когда я его увидела, словно впервые...

– Но ведь раньше ты так не говорила! Что сейчас изменилось?! Ты давала мне надежду!

– Врешь, – смеясь, ответила я. – Ты лгунишка.

– Но ты...

Я закрыла ему рот рукой.

– Я теперь другая. Теперь я никому надежд не даю. Мне надо в себе разобраться.

– На диванчике моего брата?

– А уж это тебя не касается.

– Только ты погромче ему кричи «постой», а то он глух и слеп...

– Ты был там? – от стыда я готова была помереть.

– Через стенку. Но раньше же тебя это не смущало? Ты даже специально мне сообщала, когда к нему на прием идешь...

Я хотела задушить свою сестру. Это так мерзко.

– Не переживай, больше этого не повторится.

– Я на это не согласен!

– А тебя никто не спрашивает, – я все же прорвалась к выходу.

– А чем я развлекаться буду?

– Хентай посмотришь.

– Настен, – он поплелся за мной. – Я не люблю хентай. Я привык три раза в неделю...

Боже, какой позор!

– Девушку заведи! Встречаться начни. Ты же богат.

– Я? Я беден, как церковная мышь...

Я поднималась наверх, не обращая на него внимания, а

Нестор продолжал:

– Я же бастард. И тоже, как Колька, ношу фамилию мамы... Ну, пожалей меня!

Я остановилась у дверей своей комнаты.

– Ой, ты мой хороший, как мне тебя жаль. Живешь в таких невыносимых условиях. Пашешь на всех членов семьи, а они, неблагодарные, тебе фамилию не дают...

И тут дверь моей комнаты открылась. Передо мной стоял Никита. В его глазах читался гнев. Нестор сразу заткнулся, хотя до этого смеялся над моими словами, а Ники спросил:

– С моим братом уже бегаешь?

Моя первая реакция была – начать оправдываться. Но, вспомнив сестру, я гордо отвернулась в сторону, обдумывая свою речь. Всего за мгновение я решила его выгнать. Так поступила бы Ольга, но все испортил мелкий паршивец Нестор:

– Не бегают, а нежно уделяет внимание.

– Она? – усмехнулся Никита.

Да, Оля и нежность – это вообще сочетание, как ягоды и сапоги.

– Представь себе! Краснеет передо мной, как девственница. Хотя все мы знаем, какая она. Ну, ты сам же слышал...

– Иди спать, а то я тебе язык вырву, – предупредил его Никита и, заведя меня в комнату, закрыл перед его носом

дверь.

– За правду не бьют! А она, правда, передо мной краснела! – кричал через дверь его младший брат.

Я, как назло, смотрела на пол, думая как прогнать Ветрова.

– И почему ты перед ним краснела?

– Я не знаю. Он выдумывает.

– Выдумывает? – опять не поверил и глазами сверлил Никита. – Куда ты ходила? – перевел он тему после небольшого молчания.

– Аллу искала. Мне хотелось пить.

– Здесь есть вода, – указал Ники на графин.

– Я хотела чая.

– Ночью ты пьешь только воду, – не сдавался он.

– А теперь хочу чай, – как же мне не хватало холода в голосе. Оля так хорошо умеет отшивать.

– Допустим, но почему ты служанке не позвонила? – показал на телефон Ветров.

– Я забыла про телефон. Я ничего не помню.

– Что ты делала с моим братом? – поинтересовался он, медленно ходя по комнате.

Я смотрела на него и понимала, что Ники не знает, что обо мне думать. Он никому до конца не верит. Даже брату. Только почему?

– Я его встретила по дороге. Он проводил меня до комнаты.

– Он к тебе неровно дышит, – прозвучало, как обвинение.

– В его возрасте мальчики часто любят девочек постарше, – ответила я. – Я в чем-то сейчас провинилась?

– Ты хотела сбежать, – сказал он. – Я прав?

Ветров умеет мысли читать?

– Ты и, правда, краснеешь, – заметил он и удивлённо улыбнулся.

– Пожалуйста, можно я отдохну? – открыла я перед ним дверь и мысленно себя отругала: «Блин! Оля его просто выгнала бы!».

– Пожалуйста? Насть, тебя чем там лечили? Или ты, бросив сигареты, принимаешь что-то потяжелее? Какие таблетки ты принимаешь? Мне, наверное, следует поговорить с твоим врачом.

– Я хочу спать, – настаивала я.

– Я тоже, – улыбнулся он, и в его глазах появилось лукавство. – Но сначала пошли меня как раньше.

Я набрала воздуха в грудь и, стараясь говорить ниже, повторила:

– Оставь мою комнату. Мне пора спать.

– Ну и ну! – засмеялся Ветров. – Вообще неубедительно! Ещё раз...

– Оставь меня, пожалуйста! – в отчаянии выкрикнула я.

И после этого его глаза стали мягче. Никита медленно подошёл ко мне, обнял и сказал:

– Никогда. Ты ещё не расплатилась, – и поцеловал меня.

А я, как идиотка, ему позволила! Снова позволила! Словно он мой парень, а не очередной любовник моей сестры...

В этот раз все было медленно и нежно. Словно мы растягивали удовольствие, наслаждаясь каждым мгновением и прикосновением.

От его мягкого влюбленного взгляда я теряла голову, хотя понимала, что он любит не меня, а образ, который создала моя сестра специально для него. Наверняка она с ним не была собой, хотя грубо выгонять, видимо, умела.

В этот раз в полумраке я была полностью перед ним обнажена. И огромная кровать стала настоящим ложем томной страсти.

Я уже не обвиняла себя, а расслабилась и отпустила все на самотёк. Пусть я и замужем, но давно с мужем не жила и считала себя давно свободной.

Конечно, я отдавала себе отчёт, что это безумие, и такие отношения ни к чему не приведут. Но какая разница, если через два дня я уеду? А в том, что уеду, я совсем не сомневалась.

Поэтому просто отдыхала с парнем, которого видела впервые и запала на него. Надеюсь, это не любовь. Ведь после Родиона я сомневаюсь, что вообще могу кому-то поверить и полюбить...

Ветров не ушел, а лишь крепко обнял и, поцеловав мое плечо, сказал:

– Все-таки мне не показалось. С тобой сейчас хорошо как

НИКОГДА...

Глава 6

ОЛЯ

Мне сразу стало ясно, почему я никак не могла продрать глаза. Они просто отекли. Таблетки оказались слабыми против такого количества кошачьей шерсти в квартире. Надо купить средство помощнее...

Пока я переодевалась, Алик бегал по кухне и причитал:

– Какой кошмар! Нет, я хочу это развидеть! Такое идеальное лицо! Такие милые черты испортить этим! Что ты сделала с собой, Настя?!

– Это аллергия, – хотела я сказать это мягко, но получилось, что на него гавкнула.

– На алкоголь, Настя! Ты раньше никогда не пила эту гадость! – тут его словно осенило. – Все! Больше я тебе этого не дам пить!

Алик рванул к шкафу и достал мою любимую бутылку крепкого джина. Я даже ахнуть не успела, как он стал его выливать в раковину!

– Что ты делаешь?! – заорала я что есть мочи. – А ну, верни!

В общем, мой масштабно громкий голос его остановил. Алик явно не ожидал, что у Насти такая мощная диафрагма. Все-таки я успела спасти грамм двести обожаемого напитка.

– Нас-тя, – заскулил он. – Тебе нельзя этот вид алкоголя. Ты не видишь весь этот кошмар, который вынужден лицезреть я.

– Не смотри. Ты вообще взрослый и можешь прожить без меня, – я поставила бутылку на место и громко чихнула.

Как же я надеялась, что Алик обидится, поругается со мной и уйдет! Но он удивленно захлопал своими девчачьими ресницами:

– И где же ты тогда будешь жить? Вернешься к родственникам? Нет, дорогая моя, придется нам пожить вместе, и Алику выхаживать тебя. Но ты пить больше не будешь.

Он снова полез на эту полку, и тут я уже вцепилась в его худющие руки.

– Не тронь! – прорычала я и чихнула на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.